

НАТАЛЬЯ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ЦЕНТРПОДИГРАФ

ПЕРФИЛОВА

МЕСТЬ ОПТОМ
И В РОЗНИЦУ

Наталья Перфилова

Месть оптом и в розницу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591415

Месть оптом и в розницу: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4320-4

Аннотация

Ирина так ждала отпуск! Мечтала зарядиться курортным весельем в компании своего молодого человека – и вдруг жгучая обида! Возлюбленный мало того что не приехал, как условились, так еще замену прислал! Нет, ей здесь делать нечего! Чемоданы собраны за полчаса, самолет – и вскоре автомобиль Ирины катит по лесной дороге к любимому деревенскому дому. Странная встреча на лесной дороге заставила девушку лишь посмеяться, но через несколько дней ей было уже не до веселья: сначала убийства, в расследование которых Ирина оказалась втянута, а затем одно за другим предупреждения, что вскоре жертвой анонимного мстителя станет и она сама. Ирина и ее друзья, посвященные в курс дела, пережили неподдельный страх – по всему было видно, что угрозы не беспочвенны, а главное, совершенно непонятно, откуда исходит опасность...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	48
Глава 5	70
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Наталья Перфилова

Месть оптом и в розницу

Глава 1

Двигаясь по шоссе ночью в довольно глухом месте, я, признаться, струсила, неожиданно увидев перед собой на дороге мужчину в желто-зеленом форменном жилете. Я не на шутку испугалась: делать милиционеру на безлюдной лесной дороге было совершенно нечего. К тому же в полнейшем одиночестве. Несмотря на присутствие сине-белой машины с мигалкой и надписью «ГАИ» на дверце, доверия этот человек мне не внушал совершенно. Но все же проехать мимо я не рискнула: уважение к милиции родители мне внушали с детства. Притормозив, я зажала в потной ладони газовый баллончик и опустила стекло.

Парень в форме торопливо приблизился, однако неожиданно его лицо выразило глубокое разочарование. Это тоже показалось несколько странным. Не буду хвастать, но обычно я не вызываю у особ противоположного пола негативных эмоций, особенно таких явных.

– Здравствуйте. Сержант Скворцов, – представился он. И, немного подумав, добавил: – Николай.

Я протянула заранее подготовленные документы, не сни-

мая ноги с педали сцепления, чтобы в случае опасности можно было мгновенно рвануть вперед. Но сержант небрежно отмахнулся от бумаг.

– Тут такое дело... – Милиционер замялся, снова глянул на меня с явным сомнением. Но потом тяжело вздохнул и продолжил: – Я домой ехал с дежурства, смотрю, там под откосом машина валяется. – Он неопределенно махнул рукой в темноту. – Замок в водительской двери заклинило, снаружи никак не открыть, а у меня с собой, как назло, инструментов никаких, что там внутри делается, не поймешь, стекла тонированные и глиной заляпаны плюс ко всему.

Я улыбнулась. Ну, слава богу, теперь хоть понятно, что его так расстроило. И между прочим, совершенно напрасно. Что у меня всегда при себе, так это инструменты. Сама я в машинах вообще ничего не понимаю, поэтому при поломке для экстренной помощи всегда приходится привлекать кого придется. Первого встречного в буквальном смысле слова. Тот чаще всего пытается отговориться, мол, без инструментов ничего поделывать нельзя, надо аварийку вызывать... Тут-то я и поражаю его полным набором отверток, кусачек и всякой дребедени, назначение которой лично для меня остается загадкой по сей день. «Добровольный» помощник вздыхает и, засучив рукава, принимается за работу.

Не выпуская из рук баллончика, все еще немного труся, я вылезла из машины и открыла багажник, предоставив милиционеру возможность лицезреть мое инструментальное раз-

нообразии, а сама подошла к обрыву. Машина там действительно была. Выглядела она не слишком помятой, практически невредимой, но я все равно почувствовала грусть. Чужое несчастье редко кого оставляет равнодушным, а у меня, как утверждает моя подруга Настя, чувство сострадания к ближнему заложено в пятикратном, если не десятикратном, размере. Я присела на корточки, стараясь разглядеть хоть что-то за грязными стеклами побитых «жигулей».

Тем временем явно повеселевший сержант развернул машину так, чтобы фары освещали упавшую «пятерку».

Вооружившись моей монтировкой, мы уже собрались спускаться вниз, когда водительская дверца побитой машины неожиданно распахнулась. Из нее вывалилось что-то бесформенно-огромное и неуклюже поползло вверх по глинистому откосу. Даже мужественный Коля слегка струхнул и потянулся к кобуре, про меня и говорить не приходится. Я чуть не закричала от неожиданности. Оказавшись в пятне света от фар уазика, фигура продолжала медленно подниматься по скользкому склону. Видимо, это давалось ей непросто. Грозно рыча, неопознанный объект все же выполз на обочину и, стоя на коленках, подозрительно оглядел нас, вернее, наши ноги, так как его голова упорно не желала подниматься хоть чуточку выше. Огромными усилиями нам с Колей удалось привести это чудовище в стоячее положение. Моему изумлению не было предела. Существо оказалось бабюшкой. Самым натуральным попом в рясе, с крестом во

всю грудь. Одежда и борода служителя церкви были замазаны глиной, покрывающей склон. Пахло от него так, будто он совсем недавно принимал ванну из самогона. Николай даже ахнул.

– Батюшка, и как же это вас так угораздило, в постный-то день?!

– Г-г-осподь не осужд-д-дает страждущих... поелику... – Поп замолчал, видимо потеряв ускользящий хвостик мысли. Вообще, тело его упорно кренилось из стороны в сторону, угрожая в любой момент рухнуть прямо на дорогу. Поднимать его заново нам не улыбалось. Мы аккуратно прислонили батюшку к милицейской машине. Неожиданно где-то глубоко в складках рясы вдруг раздалось громкое лошадиное ржание. Я испуганно отскочила в сторону, Коля тоже, похоже, растерялся. В результате наши недавние усилия пошли прахом, брэнное тело святого отца все же свалилось рядом с грязным колесом уазика. Ржание продолжалось. Склонившись над необъятным торсом, я услышала: – Матушка, етить ее... это самое... звонит.

– Слышь, сержант, это сотовый у него, видимо, – догадалась наконец я, – достал бы... Хоть узнаем, откуда он ехал такой хорошенький.

Николай с видимым отвращением заелозил рукой по груди батюшки, выудил из складок рясы маленький телефонный аппарат, продолжающий ржать, нажал кнопку и поднес трубку к уху.

– Алло, здравствуйте, сержант Скворцов слушает... Да туда, туда вы попали, только батюшка ваш не в кондиции сейчас слегка, ответить не может... Перебрал напитков горячительных.

Выслушав довольно долгие объяснения матушки, парень выключил аппарат и задумался.

– Ну, и чего теперь с этим бугаем делать? – почесал он затылок. – Бросать на дороге вроде не положено. Мало ли что... Но не ждать же, пока он протрезвеет... Судя по всему, он еще часиков шесть прокемарит за милую душу. – Николай устало посмотрел на меня. – Вы куда ехали-то, девушка?

– В Дупло... – рассеянно отозвалась я, но тут же спохватилась: – Ой! То есть, простите, товарищ сержант, в деревню Лисицино я имела в виду.

Милиционер подозрительно посмотрел на меня, видимо, заподозрил в том, что моя бедная голова помутилась от смачного амбре батюшки. Я потупилась, но больше на эту тему распространяться не стала. Не объяснять же Скворцову, что старинное родовое гнездо нашей семьи никто, кроме как Дуплом, давно не называет. Когда три года назад, после смерти бабушки Александры Федоровны, мне досталась половина дома в деревне Лисицино, я, по чести сказать, была не в восторге. Садово-огородные дела никогда не привлекали меня, даже отвлеченно. Сидеть на грязных грядках пятой точкой кверху три месяца подряд и получить с чахлах помидорных кустиков пять-шесть кило плодов! Или еще смеш-

нее: копать, как кроту в земле, до ломоты во всех суставах вскапывать целину, сажать, поливать, окучивать, собирать колорадских жучков – и все эти мучения ради пары мешков картошки, которая может и не вполне уродиться, в зависимости от капризов погоды. По моим подсчетам, проезд и перевозка урожая в город обойдется где-то раза в два-три дороже, чем купить тот же самый натюрморт на ближайшем рынке. Но ехать вступать в наследство все же пришлось. Неожиданно уютный домик на окраине деревни мне очень даже понравился. Тихо, воздух свежий, птички поют. Беседка, увитая плющом, банька с сауной – просто мечта поэта, а грядки, в принципе, можно и не разбивать... Домик представлял собой сруб с двумя отдельными палисадниками и двумя симметричными входами – справа и слева. Сад, баня и гараж – общие для обеих половин. Огорода в округе дома я не заметила. Зато сад поразил неожиданным великолепием. Фруктовые деревья – яблоня, груша, слива – как раз цвели в момент моего первого посещения Лисицина, окружая постройку удивительно живописным кольцом. Окна моей половины тонули в душистых зарослях сирени. Я сразу безоговорочно влюбилась в это место. Все три года с тех пор отдыхаю только здесь. Летом чаще, зимой – пореже. Когда я впервые привезла в деревню гостей, все охали, ахали, восхищенно причмокивали и полной грудью вдыхали чистый кислород.

– Ну, и как вам мое родовое гнездо? – с гордостью спросила я всех сразу.

– Какое же это гнездо? – с издевкой изумилась моя лучшая подруга Настя.

– А что такое? – растерялась я. – Тебе что-то не нравится?

– Ну, ты подумай немного, милочка, и сразу все поймешь. Тебе как фамилия?

– Белкина, – не подозревая подвоха, автоматически ответила я.

– Ну! – взмахнула удовлетворенно руками подруга. – И где ж ты, интересно, видела белок, живущих в гнездах?

– А где же они тогда живут, по-твоему? – заинтересовался Пашка.

– В дуплах, дружок! Удобных, глубоких дуплах, – поучительно произнесла Анастасия, многозначительно подняв вверх указательный палец. Вид у нее при этом был такой серьезный и важный, что невозможно было не рассмеяться.

Так вот, с подачи подруги мое уголье в Лисицине в один миг превратилось в Дупло. Я уверена, многие из моих друзей давно не помнят, как называется эта деревня, но где расположено Дупло Ирины Белкиной, пожалуй, в курсе все.

Так что, сами понимаете, ничего странного в моей оговорке не было, но объяснять все эти подробности Николаю не хотелось. Я просто промолчала, с независимым видом покручивая на пальце брелок с ключами от машины, а он, похоже, мое замешательство истолковал по-своему. Сержант явно насторожился и строго попросил:

– Документики-то все же предъявите, гражданочка. На

всякий случай.

Я, молча пожав плечами, с готовностью протянула Скворцову коричневые кожаные корочки.

Тщательно изучив мое водительское удостоверение, Коля успокоился и через пару минут осторожно спросил:

– Ирина Анатольевна, вы знаете из правил дорожного движения, что обязаны оказывать посильную помощь гражданам, попавшим в ДТП, предоставлять свое транспортное средство для переправки раненых до больницы? – Глаза Николая при этом совершенно подозрительно забегали.

– Не надо на меня так смотреть, товарищ сержант, – снова занервничала я. – И вообще, где вы тут видите раненых?

– А мы не знаем, пострадал он или нет, сказать сам батюшка пока не может...

– Так как напился до розовых слонов, – ядовито перебила я. – Короче, все, сержант, я поехала, путь до дома неблизкий, а уж скоро светать начнет. – Я пошла к машине с твердым намерением немедленно уехать с этого проклятого места.

– Ирина Анатольевна, вы не можете просто так уехать, – все еще пытался давить на психику Коля, – я выпишу вам штраф.

– Выписывайте, ради бога, что хотите, – устало отмахнулась я. – Давайте строчите, быстрее только. Спать хочу просто смертельно.

Поняв наконец, что идти ему навстречу я ни в коем случае не собираюсь, Николай вздохнул и протянул мне документы:

– Возьмите, пожалуйста, счастливого пути и осторожнее на дороге.

Я уже села в машину, но, посмотрев на несчастное лицо гаишника, неожиданно проявила слабость.

– Ну, сам подумай, сержант, чем я могу еще тебе помочь? Все, что могла, я и так сделала...

– Да все просто, Ирина Анатольевна, матушка Елена сказала, что они с отцом Ксенофонтом живут в Евсеевке, а это всего в каких-то паре километров от Лисицина, – обрадованно затараторил Коля. – Мы сейчас быстренько загрузим батюшку к вам в машину, вы довезете его до дому, у калитки выпихните и спокойно поедете к себе спать. Только и всего.

– Как просто! – усмехнулась я. – Вот и сделай все то же, но сам.

– Я еду домой, – жалобно посмотрел на меня Николай, – а моя деревня совсем в другой стороне. Довезти отца Ксенофонта до дому и вернуться – часа три, не меньше. А вы все равно едете практически туда же.

– А если он проснется, начнет буяннить или захочет в туалет? – продолжала сопротивляться я, хоть и догадывалась уже, что от батюшки сегодня отвертеться мне вряд ли удастся. – Я одна не смогу даже вытащить его из машины. Поедьте вместе, сержант. Выгрузим вашего Ксенофонта, поспите у меня, так уж и быть, а утром вернетесь домой.

– Домой я тогда уже не успею, – вздохнул собеседник. – Мне утром опять на службу. Я вообще-то женился в про-

шлую субботу... – Коля смутился и покраснел.

– Все ясно, – обреченно вздохнула я. – И как меня угораздило так вляпаться? Ладно, грузи тело.

«Довезу и выпихну прямо пинком под зад», – мстительно думала я, наблюдая за суетой радостного парня.

– Ирина Анатольевна, я разыщу вас на днях, с меня презент, – пообещал сержант, закончив возиться с попом. – Вы долго пробудете в Лисицине?

– Уеду, как надоест. У меня отпуск вообще-то... Н-да... Судя по тому, как он начался, время я проведу интересно и содержательно.

– Я ваш должник навеки! – прокричал Николай, махая рукой нам вслед.

Проехав по лесной дороге минут пятнадцать, я вдруг с ужасом осознала, что совершенно не знаю, куда везти тело батюшки-алкоголика. Название Евсеевка мне ничего не говорило. Пара километров от Лисицина – и все. А в какую, простите, сторону? Даже если мне повезет и я случайно наткнусь на указатель этого села, то как, скажите на милость, найти нужный дом? Главное, и спросить будет точно не у кого. В сельской местности нет ни ночных клубов, ни казино, поэтому в такое время не спят только те, у кого бессонница или еще какие-то проблемы со здоровьем... Если я буду бродить по селу, как привидение, и стучать во все двери подряд, запросто ведь могут и собак спустить. Да, Коля, удружил! Мне что, до утра кружить по деревням с этим храпя-

щим боровом за спиной? Да от него воняет перегаром так, что голова начинает кружиться. Решение приходило только одно – придется везти Ксенофонта к себе, а утром пусть уж сам добирается до своей матушки Елены.

Подъехав к нашему дому, я коротко посигналила. Через пару минут на крыльце второй половины появился долговязый нечесаный парень в широченных семейных трусах. Он спустился по ступенькам и отпер ворота гаража.

– Привет, могла бы и сама открыть. Обленилась совсем. – Витек по привычке зудел так, для профилактики, мы оба это прекрасно знали. На самом деле он ужасно ждал моих приездов и оскорбился бы безмерно, не разбуди я его по прибытии. Вторая половина бабушкиного дома досталась Виктору в наследство, так же как и мне. Но распорядился он ею совершенно иначе: быстренько сдал под офис свою городскую квартиру и со всеми пожитками переехал в Лисицино. Данное нехитрое мероприятие помогло ему исполнить практически все заветные мечты детства: жить на лоне природы, не работать, философствовать и выпивать на деньги, вырученные за сданную квартиру. Чтобы не прослыть тунеядцем, Витек в «свободное время» пописывал стихи. Печататься не считал нужным и услаждал своим поэтическим даром слух добродушных односельчан и моих городских гостей. У соседа и кроме этого была куча других неоспоримых достоинств. Он замечательно готовил шашлыки, топил баню в любое время дня и ночи, помогал мне во всех хозяйственных

проблемах, причем делал все это совершенно бескорыстно. Не удивительно, что мы с Виктором сдружились очень быстро, несмотря на то что раньше, в прошлой, городской жизни, никогда в глаза друг друга не видели.

Порой я вспоминаю нашу первую встречу с Виктором, и мне становится смешно. Мы жутко ненавидели друг друга в то время и были уверены, что имеем для этого сотню веских, ужасно серьезных причин. История нашей семьи вообще запутанная и непростая... Хотя, если разобраться, во многом схожа с тысячами других.

Когда-то давно, на заре советской власти, бывшие в то время молодыми людьми, Александра Федоровна и Дмитрий Васильевич построили дом в Лисицине и начали создавать здоровую коммунистическую семью. Сашенька работала на ферме, Митя в том же колхозе трудился трактористом. Вскоре, как положено, в молодой семье родилась девочка, которую называли Людочкой. Когда девочке исполнилось три годика, в деревню приехал агроном Петр Лаврентьевич, которого, за неимением другого свободного жилья, временно поселили в доме Александры и ее мужа. Молодой агроном и доярка быстро нашли общий язык, и в отсутствие мужа нередко Петр Лаврентьевич позволял себе в отношении хозяйки много лишнего. А Сашеньке это нравилось. Может, все и обошлось бы, но однажды Александра Федоровна обнаружила, что беременна. Только и это бы еще ничего, не случись такое именно в то время, когда Дмитрий Васильевич

был брошен на обработку дальних полей и уже третий месяц не возвращался к жене в родной дом. Зная буйный характер своего мужа и опасаясь его гнева, Александра стала уговаривать агронома уехать из Лисицина, взяв ее с собой. Агроном добился перевода на учебу в город и покинул деревню, прихватив чужую жену. Людочку взять с собой Петр Лаврентьевич категорически отказался. Так, в результате случайной внебрачной связи, на свет появился Анатолий Петрович Белкин – мой отец. Вскоре мои дед с бабкой поняли, что погорячились, создавая новую ячейку общества. Обоим многое не устраивало друг в друге. Петр начал стесняться деревенской неотесанной жены, она очень проигрывала на фоне его худеньких образованных сокурсниц. Саша тоже тяготилась новым браком. Мужиком Петр оказался довольно слабеньким, в сравнении с ее мужем-трактористом. Жить с ним было невыносимо скучно, в гости он ее с собой не брал, к себе никого не водил, целыми днями пропадал на учебе или бог его знает где. Работы в городе для бывшей доярки не находилось. Она сидела в двенадцатиметровой комнате, выделенной для них в бараке, и потихоньку сходила с ума от скуки и безделья. Через два года, не выдержав постоянных ссор и попреков, Александра Федоровна сбежала от своего агронома назад в деревню, взять с собой сына она не рискнула. Идти ей, кроме Лисицина, было некуда, и она вернулась к Дмитрию Васильевичу. Он, вопреки ожиданиям, скандала устраивать не стал, но и жить с беглой женой отказался. Так

как дом принадлежал им обоим, то Митя честно разделил его на две части и сделал два отдельных входа, чтобы даже на крыльце не сталкиваться с неверной супругой. Постепенно отношения у них наладились, они стали помогать друг другу по хозяйству, ходить в гости, подозреваю, что дело у них доходило и до постели, но все же жили они до самой смерти по отдельности. Каждый вел хозяйство на своей половине. Примечательно, что никто из этой троицы так и не создал впоследствии настоящей семьи. Все были по-своему несчастны: Петр, один воспитывающий сына, Толик, лишенный материнской любви, Митя и Саша, живущие как кошка с собакой, и наблюдающая все это Людочка. Никому не позавидуешь в этой истории. Наверное, поэтому все члены одной семьи с детства были научены родителями ненавидеть членов другой.

Все вместе мы встретились только однажды, на похоронах Александры Федоровны. Дмитрий Васильевич к тому моменту уже умер, Петр Лаврентьевич тоже был плох. Он горько плакал у гроба своей возлюбленной, что не мешало ему при этом продолжать обвинять ее в своей покореженной жизни. Мои отец с матерью и Людочка с мужем в основном молчали и посматривали друг на друга неодобрительно. Мне, откровенно говоря, никогда не были понятны отношения отца с его сестрой. Делить им явно было нечего, а после смерти стариков они остались практически единственными близкими родственниками. Но в нашей семье всегда разго-

воры о бабушке и ее семье жестоко пресекались дедом, и я не считала возможным спрашивать об этом отца.

Здесь же, на похоронах, я впервые познакомилась с Виктором. Он уже несколько лет после смерти деда жил в Лисицине и ухаживал за больной бабкой. Как я уже говорила, ему нравилось жить в деревне, хотя в городе он имел собственную жилплощадь. Его до глубины души оскорбило то, что бабкина половина дома достанется не ему, а какой-то незнакомой тетке. И дело, конечно, было совсем не в квадратных метрах. Ему вполне хватало для жизни просторной дедовой половины, но он с ужасом и тихим бешенством представлял грядки, вспаханные предприимчивой родственницей, ораву орущих детей, носящихся под его окнами. Это вгоняло его в тоску и ставило крест на тихой жизни одинокого философа. Он смотрел на меня с такой ненавистью, что я поначалу испугалась.

После церемонии погребения ни отец, ни Людмила не пожелали остаться в доме матери, сухо пожали друг другу руки и разъехались в разные стороны. Деда отец забрал с собой. Мне поневоле пришлось остаться, чтобы навести порядок на половине бабушки. Вымыв пол и посуду, я заперла дверь на ключ и понесла его Виктору, с опаской постучала в дверь неприветливого родственника.

– Входите, не заперто!.. А, это ты, новая владелица дома.

В голосе Виктора послышалась такая горечь, что я поспешила его успокоить:

– Ну что ты, какая из меня владелица... я вообще ненавижу деревню. Я просто пришла отдать тебе ключи и больше не появлюсь здесь, обещаю... ну, может, на девятый день приеду и на сороковой, если пустишь, положено ведь поминать...

– Положено... а наши уехали, даже стопку за бабушку не опрокинули. Она знаешь какая хорошая была... Хотя откуда тебе знать, – с горечью сказал он. На столе я заметила откупоренную бутылку водки, салат, нарезанную колбасу, селедку. Около фотографии бабушки стоял стакан, накрытый хлебом, и свечка. – Хотел все по-людски устроить, – сказал Виктор, перехватив мой взгляд. – Готовился... Может, хоть ты присоединишься, родственница все же?

– Да я за рулем... – нерешительно начала я. Мне и самой было неприятно поведение родителей.

– Переночуешь на своей половине, а завтра уедешь, – настойчиво убеждал меня новый родственник.

В конце концов я согласилась и охотно уселась за накрытый стол.

Поминая Александру Федоровну, мы поближе познакомились с Виктором. Оказалось, что наши взгляды на жизнь во многом сходятся, недаром все же мы были довольно близкими родственниками. Расходились спать мы весьма довольные друг другом.

С утра пораньше меня разбудил новый родственник.

– Хочу с тобой поговорить, – очень серьезно начал он, –

сегодня мне приснилась бабушка, она ничего не сказала, но я по лицу понял – она расстроена. Она ведь не просто так, похоже, оставила тебе эти полдома. Ей всю жизнь хотелось, чтобы две ее семьи наконец-то объединились, и, видимо, она нашла способ. Я присмотрелся к тебе, ты мне понравилась, клянусь, это правда. Не важно, как относятся друг к другу наши родители, но я хочу с тобой дружить. Если ты не против, конечно.

– Нет. Ты мне тоже симпатичен, – с улыбкой призналась я. – Если пригласишь, я буду иногда приезжать к тебе в гости...

– Зачем? – удивился он. – У тебя же есть своя половина.

– Но мне она не нужна, я вчера тебе сказала и от своих слов не отказываюсь.

– Это не тебе решать, – строго перебил меня Виктор, – неприлично от дареного отказываться. Поняла?

– Как скажешь, – не стала спорить с родственником я.

С тех пор мы на самом деле дружим с Витей, и у нас нет никаких претензий друг к другу...

Когда ворчащий сонный родственник открыл мне ворота, я вышла из машины и горько пожаловалась:

– Ты даже не представляешь, Витек, в какое дерьмо я вляпалась по дороге сюда.

Сосед подозрительно покосился на мои ноги.

– Я чувствую, воняет чем-то, да вроде не дерьмом... хо-

тя...

– Да ты не понял, пахнет батюшкой, – глубоко вздохнула я.

– Твоим отцом?! – поразился все еще не до конца проснувшийся собеседник.

– Просто батюшкой. Вернее, пахнет-то перегаром. Святой отец сегодня немного не в форме...

В подтверждение моих слов Ксенофонт на заднем сиденье громко икнул, причмокнул и смачно всхрапнул. Виктор подскочил от неожиданности.

– Что, тьфу... Кто это? – Витек осторожно заглянул в машину. – Батюшки! Отец Ксенофонт!

– Ты чего, знаешь его? – удивилась я.

– А кто ж его тут не знает? Он местная знаменитость. Я тебе такого могу про него порассказать...

– Здорово, – перебила я возбужденную речь соседа. – Завтра обязательно поделишься. А сейчас лучше помоги вытащить его из машины.

Поднатужившись, мы выволокли батюшку на дорожку. Бедная матушка Елена, если она постоянно таскает своего благоверного туда-сюда, ей надо как минимум иметь мускулатуру Шварценеггера.

– Слушай, Вить, он часто в таком состоянии бывает? – переводя дыхание, поинтересовалась я.

– В таком? Не знаю. Я засыпаю раньше, – хохотнул сосед.

– Ясненько. Тогда забирай этого алкаша к себе.

– А чего я-то? – Веселости у Виктора явно поубавилось. – Он с похмелью проснется, неизвестно в каком настроении... буяннить еще начнет.

– Тем более, – пробурчала я.

– Чего?

– Говорю, не хочу его компрометировать перед общественностью. Ночевать с такой красоткой, как я, – крест на репутации святого отца.

– Ага, а ночевать на одном диване с молодым парнишкой – это не компромат, можно подумать, – пытался отбояриться от сомнительного соседа Витек. – Я, по крайней мере, не собираюсь рисковать...

– Ну, это как хотите, дело вкуса, – перебила я. – В крайнем случае можешь постелить ему на коврик у двери. Он все равно не оценит комфорта в его-то состоянии.

Приподняв Ксенофонта в последний раз за этот день, мы с Виктором затащили его на крыльцо и забросили в сени.

– Дальше ты сам с ним разбирайся, я его видеть больше не могу.

– Зайди хоть чайку попей, я сейчас вскипячу, – радушно пригласил Виктор.

– Боюсь, что если немедленно не уйду, то так и не избавлюсь от этого попа никогда в жизни. Ты извини, Вить, но я устала как собака. Сейчас упаду рядом с этим алкоголиком, а он воняет, как скунс. Боюсь умереть от удушья. – Последние слова я произносила, уже стоя у своей двери.

Войдя в помещение, я не раздеваясь прилегла на диван и попыталась уснуть. Но вместо спасительного сна в голову упорно лезли мысли о неудавшемся отпуске и несчастной судьбе, занесшей меня в эту богом забытую деревню. О вчера еще таком близком и родном человеке, безжалостно предавшем и обманувшем меня...

А начиналась эта история, приведшая меня в конце концов на безлюдную ночную дорогу, вполне банально: мы с любимым собирались вместе провести отпуск на море...

Глава 2

...Черное море медленно, даже лениво, катило свои пенные волны на мокрый и холодный песчаный берег у моих ног. Иногда, словно на мгновение очнувшись от томного забытья, оно вдруг собиралось с силами, и тогда высокая злая лавина добиралась почти до кончиков моих сандалий, но, не дотянув каких-то пяти сантиметров, с досадой уносилась прочь, обратно в темные загадочные просторы. Затем, как бы в отместку, ветер начинал агрессивно рвать из моих рук легонький синий зонт, и ледяные капли ударяли прямо в залитое слезами лицо. И снова на какое-то время вокруг наступала настороженная обманчивая тишина...

Дождь начался сразу, как только я сошла с трапа самолета в гостеприимном Адлеровском аэропорту. Иногда не надолго он прекращался, да и то как будто только для того, чтобы через час-другой обрушиться на землю с новой, утренней силой. Такая погода, само собой, человека, приехавшего отдохнуть и позагорать на берегу моря, порадовать никак не могла. Я, естественно, тоже исключением не являлась. Очень уж мне хотелось к приезду Андрея не только найти подходящее жилье и обустроиться в нем с наибольшим комфортом, но и хотя бы немножко загореть под теплым южным солнышком. В последнее время перед отпуском у меня было так много работы, что я практически ни разу за лето так и

не смогла вырваться на местный пляж. Поэтому кожа имела не слишком приятный, на мой взгляд, чуть ли не синеватый, как у магазинной курицы, оттенок. Мне очень хотелось, чтобы, когда Андрей впервые увидит меня в купальнике, я уже не слишком отличалась от остальных девушек на пляже.

Вообще-то лететь на юг мы с Андреем должны были вместе. Мы и билеты, как положено, за месяц до отпуска прикупили, и новый чемодан, и даже фотоаппарат для подводного плавания. Но всего несколько дней назад его планы вдруг резко изменились. Сначала он стал каким-то хмурым, неразговорчивым, с утра до вечера пропадал на работе, а позавчера и вовсе заявил, что ему нужно срочно ехать в аэропорт сдавать билет. Я сразу подумала, что у него на работе случилась какая-то неприятность или ему подкинули непредвиденное срочное задание... Андрей на эту тему говорить отказывался, от всех моих вопросов досадливо отмахивался и мрачнел при этом все больше. Объяснить все он решил только тогда, когда молчать дальше было уже невозможно, речь шла о сдаче билета. Как я и предполагала, дело было в работе... Лететь на юг одной мне совершенно не хотелось, но Андрей в этом вопросе был крайне категоричен.

– Я не хочу, чтобы по моей вине ты нарушала свои планы и лишилась отпуска...

– Но мне без тебя там совершенно нечего делать... – робко пыталась возразить я. – Лучше я останусь здесь, с тобой, ведь ты же не будешь пропадать на работе сутки напролет...

Вечером мы сможем сходить куда-нибудь или просто поужинать дома при свечах... Возможно, потом ты сможешь вырваться на пару деньков, мы проведем их на природе или в деревне...

– Не может быть и речи, – твердо заявил Андрей. – Как только ты улетишь, я, оставшись один, все свои силы брошу на этот неожиданный заказ и спустя три, максимум четыре дня присоединюсь к тебе в Адлере. Ты даже соскучиться не успеешь, радость моя, на южном пляже дни летят незаметно...

– Давай я дождусь тебя и мы все-таки полетим с тобой вместе, – продолжала настаивать я.

– Тогда я точно не смогу сосредоточиться на работе, – улыбнулся Андрей. – Да и достать два билета на самолет в самый разгар сезона будет намного труднее, чем один...

Короче говоря, хоть мне и очень сильно этого не хотелось, Андрей убедил меня лететь в Адлер одной. И вот теперь я изнывала в этом залитом дождем городе от одиночества и безделья.

Домик на берегу моря я нашла довольно быстро, он был не особенно импозантным, зато, открыв окно, я могла прямо из комнаты слушать рокот прибоя и любоваться бескрайним голубым морем, простирающимся до горизонта. Здесь были все необходимые для курортной жизни удобства: душ, туалет, холодильник и телевизор.

Первые три дня я не особенно расстраивалась, даже визи-

рая на совершенно черное от туч небо. Ведь впереди меня ждал упоительный медовый месяц. На четвертые сутки, не получив от любимого даже весточки, я пошла на почту и заказала переговоры с Андреем. На другом конце провода мне никто не ответил. Повторив попытку через час с тем же успехом, я по-настоящему загрустила. Гуляя по дождливому Адлеру, я выглядела, видимо, так неприкаянно, что какая-то сердобольная женщина остановилась, долго смотрела на меня, а потом жалостливо спросила:

– Что, милая, денежки сперли? Или кавалер с хаты турнул? Да ты не расстраивайся, тута парней хоть косою коси. Ты девка видная, иди вон в кафешку, садись за столик, небось сразу как мухи налетят. Только ты поумнее будь, смотри, с первым-то попавшимся не связывайся, поторгуйся, чтоб непременно с жильем и полным пансионом. И на обратный билет пусть сразу денег даст, а то потом обещанного будешь три года ждать.

– Это вы о чем, женщина? – покраснела я. – У меня уже есть жилье и денег на обратную дорогу хватает, слава богу.

– А чего ж тогда морду-то скособочила, как на похоронах? Добрых людей в расстройство вводишь, – недовольно пробурчала заботливая бабулька, направляясь своей дорогой.

Я, пораженная, не нашлась, что ей ответить. Действительно, чего это я так расстроилась? Ну нет Андрея дома, так это же естественно, он и со мной полететь не смог потому, что у него куча неотложных дел, так с чего это ему дома сидеть?

Сейчас пообедаю, решила я, и попозже снова пойду звонить. Ночевать он домой, надеюсь, приходит.

Но звонить не пришлось. В калитке дома меня ждала лаконичная телеграмма из родного города: «Встречай рейс 20.07 в 18.45. *Андрей*». Я снова мгновенно воспрянула духом. Заметалась по комнате, бессмысленно переставляя вещи. Потом села, успокоилась и даже усмехнулась про себя. Какая же я все-таки дура в себе неуверенная! Парень на день всего запоздал, а я уж чуть в море не утопилась. Ценить себя надо побольше. Тетка на улице и то вон заметила, что я симпатичная, а я все недовольно хмурюсь, глядя в зеркало.

Окрыленная, я остаток дня потратила на уборку довольно убогого помещения, потом приняла душ, наложила на лицо освежающую маску и попыталась уснуть. Вместо этого в голову под шум прибоя начали лезть разные мысли, все как одна связанные с Андреем...

...В тот день, когда мы познакомились, я скучала в торговом зале, сидя перед монитором компьютера.

– Девушка, извините, ради бога, вы не смогли бы найти немножечко времени и помочь мне? – Я подняла голову и увидела перед собой симпатичного, чуть смущенного парня лет двадцати пяти, в строгом костюме с галстуком. – Мне нужно выбрать игрушки...

– Все перед вами, молодой человек. – Я любезно показала на заполненные разноцветным товаром полки. – Сколько лет вашему малышу?

– От полутора до семи, – подумав несколько секунд, выдал он.

– В смысле? – вытаращила я глаза. – Сколько их у вас?

– Я не считал. У меня только сумма, которую я могу потратить, надо постараться растянуть ее на всех.

– Что вы мне голову морочите, молодой человек? – устало вздохнула я. – Нельзя же, в самом деле, не знать, сколько у вас детей.

– Я действительно их никогда не считал, – слегка растерялся он. – Но это и не важно. У них и так полно игрушек, кому новых не хватит, старыми поиграют, – смущенно начал оправдываться парень.

Я решила не спорить, мало ли на свете ненормальных, и миролюбиво спросила:

– Ну, и какую сумму вы планируете потратить?

– Десять тысяч евро приблизительно.

Я чуть со стула не свалилась.

– Может, стоило пригласить с собой мать малышей? Сумма нешуточная...

– Такую кучу женщин?! – воскликнул парень. – Вы смеетесь, что ли?

Я ошарашенно молчала. Потом встала и сказала, фальшиво улыбаясь:

– Конечно, помогу вам, с удовольствием. – При этом я незаметно постаралась переместиться поближе к охраннику дяде Паше. Мама всегда предупреждала, что нет никого

опаснее сумасшедших. Никогда нельзя предположить, чего от них ожидать.

– Ир, ты уже помогла тому парню из детского садика? Я занята была и послала его к тебе, – догнала меня Вероника. – Сейчас я освободилась и...

– Из садика?! – переспросила я и начала истерически смеяться.

– Девушки, у меня времени не очень много, нельзя ли побыстрее? – вежливо напомнил о себе покупатель. – Мне еще нужно игрушки в «Аленушку» отправить и на работу смету по спонсорской помощи завезти.

– Конечно-конечно, – ответила я, давась смехом.

Вероника недоуменно пожалала плечами и отошла от нас.

Я провела для Андрея – так звали парня – показательную экскурсию по нашему складу. Потом мы начали выбирать игрушки.

– Зачем так много кукол? – горячился он. – Надо побольше солдатиков, танков, машин. Вот те, с большими колесами, мне очень нравятся...

– Вы рассуждаете как мальчишка. А ведь девочкам тоже надо во что-то играть. Посмотрите, какие прелестные медвежата, хоть они и дорогие, советую взять их штук семь или даже десять.

– Хорошо. Но вот эти радиоуправляемые машинки тоже положите, пожалуйста, и вот этих роботов, и солдатиков целый мешок.

– Еще нужно выписать побольше лопаток, ведерок и других принадлежностей для игры в песок.

– А про развивающие игры вы не забыли? Книжки, фломастеры...

– Нет, ну что вы, Андрей, это уже в коробки запаковали.

– Отлично. Тогда пойду скажу шоферу, что можно начинать грузить.

День пролетел незаметно и радостно. Я всегда подозревала, что внутри меня все еще живет маленькая, недоигравшая в куклы девочка, и, выбирая игрушки с Андреем, лишний раз убедилась в этом.

Вечером, после работы, мы с Вероникой хотели зайти в универмаг, поглазеть на полки. Но Андрей нарушил наши планы. Спускаясь по ступенькам крыльца, я услышала:

– Ирина, я специально жду вас здесь, чтобы поблагодарить за помощь. Без вас я бы, наверное, до сих пор не справился.

Я обернулась и увидела Андрея.

– Надеюсь, детишкам понравятся ваши подарки.

– Я тоже надеюсь, но это уже не мое дело, – улыбнулся он. – Моя фирма выделила деньги для спонсорской помощи и велела потратить их с толком. Я постарался, вернее, мы вместе с вами постарались, а дальше пусть сами разбираются.

– Понятно. – Я не знала, о чем еще говорить с симпатичным, но практически незнакомым парнем.

– Можно вас в кафе пригласить? – смущенно предложил

Андрей и, кажется, даже немного покраснел.

Я вопросительно посмотрела на Веронику. Она улыбнулась и пропела:

– «Я третий лишний, я понял это...» Ладно, подруга, в другой раз прошвырнемся по магазинам. Чао! – И ее высокие каблочки застучали по асфальту.

– Неудобно получилось с вашей подругой.

– Да ничего страшного, – успокоила парня я. – Предлагаю перейти на «ты». Ведь мы в игрушки вместе играли. Да и отчества друг друга все равно не знаем.

– Согласен, – засмеялся Андрей. – В честь этого хочу преподнести тебе маленький презент. – Он наклонился и вытащил из машины белого пушистого медведя. – Мне показалось, тебе он очень понравился.

С того дня началась наша любовь. Мы встречались почти ежедневно. Ходили в кино и театры, частенько навещали рестораны. Однажды зимой мы поехали кататься на лыжах. Только вдвоем. Не взяли машину, а поехали на электричке. Сойдя с перрона, сразу нацепили лыжи и пошли до дачи Андрея пешком. Двигаться было сложно, особенно в лесу. Лыжни не было и в помине, я целый час шла, глядя в спину любимого, который, как ледокол, прокладывал нам обоим путь между деревьями. На лыжах я последний раз каталась очень давно, еще, кажется, в школьные времена, и с непривычки зверски устала. Жаловаться не хотелось, и я упорно двигалась на почти негнувшихся ногах вперед. Андрей дошел

до опушки, остановился и указал рукой вперед. Я выглянула из-за его спины и увидела, что внизу под горой стоит маленький аккуратный, почти игрушечный домик. Я сразу догадалась – наш путь наконец-то подошел к финалу.

– Вот и мои хоромы, – подтвердил мою догадку любимый. – Сейчас осторожненько спустимся, растопим камин, разгрузим рюкзак с продуктами и... – он притянул меня к себе и поцеловал, – и займемся любовью в мерцающем свете огня. Как тебе перспектива?

Все, наверное, так бы и получилось, как говорил Андрей, но я, неуклюжая корова, спускаясь с горы, не удержалась на ногах и вверх тормашками полетела вниз. Долетев до твердой земли, открыла глаза и увидела встревоженное лицо Андрея.

– Ты как, цела? – Он лихорадочно ощупывал меня с ног до головы. – Ты так летела, что я испугался, не сломала ли ты шею.

– Шея вроде в порядке, а вот нога... – простонала я.

Через час я лежала на медвежьей шкуре перед камином, в котором плясал огонь, а Андрей готовил обед из привезенных продуктов, то и дело отвлекаясь на то, чтобы заботливо поправить мою подушку или просто поцеловать, обнять... Забинтованная нога зверски ныла, но я все равно была счастлива. Вместо двух дней мы пробыли на даче целую неделю. Ведь я при всем желании не дошла бы самостоятельно до станции, а гнать машину сквозь заснеженный лес бы-

ло затруднительно. Любимый был со мной необыкновенно нежен и предупредителен. В принципе, я вполне могла перемещаться по дому сама, но Андрей свел эти передвижения к минимуму. Ему нравилось заботиться обо мне, кормить с ложечки, переодевать. Он нежно и аккуратно целовал и обнимал меня, как антикварную вазу. В тот раз нас обоих чуть не выгнали с работы за прогулы, но мы все равно были безмерно счастливы...

Под эти воспоминания я умиротворенно уснула.

Часа за четыре до указанного в телеграмме времени я начала лихорадочно наводить красоту. Долго и придирчиво подбирала наряд, подходящий для столь торжественной встречи. Правда, прохладная погода свела выбор к минимуму. Пришлось надеть джинсы и водолазку, выгодно подчеркивающую мои формы. В пять я вышла из дому, боясь опоздать. Тут передо мной вдруг возник неожиданный вопрос. Как это я вчера не задумалась, а на какой же вокзал прибывает Андрей? Железнодорожный, морской или, может, в аэропорт? Нужно срочно бежать в справочное бюро и узнавать, где есть рейс, прибывающий в восемнадцать сорок пять с подходящего мне направления. Горсправка была закрыта на тридцатиминутный перерыв. Пришлось терпеливо ждать, переминаясь с ноги на ногу. Оказалось, что подходящие рейсы есть как на железнодорожном вокзале, так и в аэропорту. Если рассуждать логически, то билет на самолет в нашем городе достать сложно, особенно в разгар отпусков, но, с дру-

гой стороны, чтобы попасть сегодня в Адлер поездом, Андрей должен был выехать практически на следующий день после меня. Немного поколебавшись, я все же выбрала самолет. В конце концов, ничего страшного не случится, если и ошибусь. Адрес Андрюша знает, в крайнем случае сумеет добраться и самостоятельно. Хотя обидно, конечно... Но в конце концов, он сам виноват, так пусть и расплачивается, раз не мог даже телеграмму составить по-человечески.

В результате метаний и размышлений я чуть не опоздала в аэропорт. Когда все прилетевшие прошли через турникет, я с разочарованием убедилась, что все-таки ошиблась. Андрея среди них не оказалось. Я посмотрела на часы: пытаться перехватить его на железнодорожном вокзале было бессмысленно. Аэропорт находится слишком далеко. Легче побыстрее вернуться домой и ждать любимого там, у накрытого праздничного стола. Я поспешно понеслась к выходу, стараясь опередить толпу прилетевших и встречающих. Выскочив на улицу, услышала позади топот и жалобный крик:

– Ирина Анатольевна, притормозите немного. Я с чемоданом никак не могу вас догнать.

Я резко остановилась и обернулась.

Лицо окликнувшего меня молодого человека я сразу рассмотреть не смогла. Обзор закрывал огромный букет в протянутой руке, чуть не проткнувший меня насквозь при моем резком торможении. Автоматически приняв цветы, я увидела вполне симпатичного парня с виноватой улыбкой на лице.

– Я уж хотел бросить чемодан, да побоялся, что сопрут мгновенно. Вы так ловко лавировали между нагруженными багажом тележками, что я пару раз даже терял вас из виду. Хорошо хоть узнал сразу. Андрей мне детально описал вашу внешность, да и фотографию показывал...

– Кто вы такой и от меня что хотите? – сухо поинтересовалась я у странного парня. – Я вас не знаю.

– Ой, да вы не сердитесь, Ирина Анатольевна, – торопливо продолжил он. – Андрей попросил меня составить вам компанию на отдыхе. Мы работаем вместе. Он как узнал, что я тоже в Адлер лечу, прямо духом воспрянул. Говорит: «Выручай, Стас, меня девушка на юге ждет, а я из города никак вырваться не могу. Дел по горло. Она уже и дом сняла, не знаю, как сказать, что не смогу прилететь».

Я, кажется, начала понимать, в чем дело. Осталось только уточнить детали.

– Послушай, Стас, а когда Андрей впервые попросил тебя об этом одолжении?

– Да, собственно, не так давно. – Парень озадаченно почесал затылок. – Ну, может, неделю назад, максимум дней десять. А что?

– Да так, ничего. – Получается, что когда мой «жених» сдавал билет и отправлял меня на юг, то сам уже точно знал, что не поедет. И все-таки заставил меня улететь, снять этот чертов дом за бешеные бабки и бессмысленно ждать его приезда... Красиво, нечего сказать! Мы ведь спокойно могли пе-

ренести отдых хоть на месяц, хоть на два. Можно было и вообще не лететь к черту на кулички. Выехали бы в деревню на пару дней. С милым, как говорится, и в шалаше рай. Нет, что-то здесь явно не так.

Я не стала посвящать Стаса в свои переживания, мило ему улыбнулась и сказала:

– Ну что же, кавалер, поехали, покажу тебе наше уютное гнездышко.

Парень заметно приободрился. Видимо, он все же опасался моей реакции на эту сомнительную замену. Смущения у него явно поубавилось. Цепко ухватил меня за локоток одной рукой, подхватил необъятный чемодан второй и ходко потрусил к стоянке такси, увлекая меня за собой.

Желтая «Волга» с шашечками довольно быстро домчала нас до места моего временного проживания.

По-хозяйски осмотрев дом, Стас остался весьма доволен. Парнем он оказался запасливым. Примостив на диване свой огромный чемодан, он начал извлекать из него вещи просто необходимые при первом знакомстве юноши с девушкой. На столе появилась коробка конфет «Птичье молоко», банка красной икры, грамм триста копченой колбасы, бутылка коньяку и белое сухое мартини. Судя по этикеткам и составу сухого пайка, все это великолепие было закуплено в магазине напротив дома Андрея, не исключено, что им же самим, а если и нет, то, несомненно, под его чутким руководством: ведь на столе стояли продукты, которые я люблю больше все-

го на свете. Похоже, Андрюша очень сильно хотел, чтобы я достойно приняла его молодого заместителя. Стараясь не показывать, как невероятно обижена своим новым открытием, я радостно заверещала:

– О! Как кстати – коньяк, мартини! У меня тоже кое-что найдется для встречи дорогого гостя. – На столе появилась бутылка шампанского и вторая бутылка коньяку, родная сестренка первой. – У меня уж, как видишь, и стол накрыт. Сегодня гуляем до утра, а завтра как проснемся, – Стас мечтательно улыбнулся, он, несомненно, не мог не заметить, что, кроме огромного двуспального дивана, спать в нашем жилище не на чем, – я покажу тебе дельфинов. В приличную погоду они, бывает, очень близко к берегу подплывают.

– Ирина Анатольевна, вы потрясающая женщина! Андрей, конечно, рассказывал мне кое-что, но я не ожидал...

– Стоп-стоп-стоп! Малыш, какая Анатольевна? Ты меня обижаешь, ей-богу. Если ты на пару-тройку лет моложе, это не дает тебе права постоянно указывать на эту ничтожную разницу в возрасте. Для тебя я Ира. И все! Никаких преувеличений. – Я сама чувствовала, меня несло, наверное, на нервной почве. Но остановиться уже не могла. – Давай-ка быстренько за это выпьем. Нет-нет, никакого сухого! – закричала я, увидев, что парень потянулся к шампанскому. – В такой день только коньяк!

Мы выпили. Потом еще. И еще. И еще.

Часа через полтора мой новый кавалер не выдержал и со-

шел с дистанции. Глазки его сначала затуманились, а потом и вовсе закатились. Он пару раз икнул и плавно улегся на стол. Тарелку из-под его головы я предусмотрительно выдернула.

Я критически осмотрела букет, стоящий на столе в вазе. Листочки у него тоже как-то подозрительно опустились, лепестки скукожились. Видимо, это произошло от того количества спиртного, которое я постоянно переливала из своей рюмки в вазу. Да, не повезло цветочкам. Но это был первый пришедший мне в голову способ временной нейтрализации нового друга. Я достала телефон и набрала номер моей лучшей подруги Насти.

– Алло, – послышался в трубке сонный голос. – Вы вообще в курсе, сколько времени?

– Настасья, хватит дрыхнуть, дело есть.

– Ты кто? – спросила трубка после небольшого молчания.

– Проснись, засоня, это же я – Ира.

– Ира в Адлере, не морочьте мне голову, девушка, – обиженно возразила подруга.

– А что, тут телефонов, что ли, нет? Я звоню тебе прямо с горячего юга, – терпеливо начала объяснять я. – Хватит дурачиться, на душе и так погано.

– А что такое? – заинтересовалась Настя.

Я рассказала подруге о своем замечательном «отдыхе».

– Никак не могу дозвониться до Андрея, боюсь, не случилось ли чего. Не могла бы ты дойти до него, разузнать, что

и как.

– Дойти-то можно, но не нужно, – неохотно пробурчала Настя. – Я и так его чуть не каждый день лицезрю.

– Где?! – Мне прямо нехорошо стало от дурных предчувствий. – Говори скорее, хватит мяться. Что там с Андреем? Где ты его видела?

– Да у нас. Он, правда, за мой столик никогда не садится, но я же не могу зажмуриться или ослепнуть, чтобы не видеть этого бабника паразитского, – на одном дыхании выпалила подруга.

Здесь нужно объяснить, что Анастасия работает официанткой в одном из ресторанов нашего города. Если Андрей проводит там каждый вечер и при этом удостоился прозвища «бабник», то дальнейшие объяснения просто излишни.

– И давно это началось? – похолодела от дурного предчувствия я.

– Недели две, пожалуй... – не слишком уверенно отозвалась подруга.

– Ну, и какого же черта ты молчала?! – Я разозлилась так, что у меня буквально дыхание перехватило.

– Так ты не спрашивала... Чего я лезть-то буду... – промямлила Настя.

– Ясенько. Значит, отправил меня подальше за мои же деньги, а сам «трудится» в поте лица своего. Так?

– Да плюнь ты на него, отдыхай, найди себе там получше кого-нибудь – горячо начала меня успокаивать подруга. – Ты

девка видная...

– Мне уже вчера говорили. А вообще, Андрюха позаботился обо мне, пристроил в «добрые руки». Так что не беспокойся. Теперь я, как говорится, секунд-хенд...

– Это как? – недоуменно переспросила подруга.

– Немного попользованная, но еще в хорошем состоянии. Не выбрасывать же на помойку. Лучше другие пусть порадуются щедрости прежнего хозяина...

– Я в курсе, что такое секунд-хенд, – нетерпеливо перебила Настя, – только я никак не въеду, ты-то здесь при чем?

– Просто не успела тебе всю историю дорассказать, – уже более спокойно продолжила я. – Андрюша мне сегодня подарок прислал, Стасиком зовут. В качестве утешительного приза, вероятно. Вместо себя, любимого.

– Вот козел! – искренне воскликнула Настя. – Он хоть как, прилично выглядит? – В ее голосе явно почувствовались заботливые нотки.

– Не разглядела, – отрезала я.

– А сейчас он где?

– Спит. Рожей в салате, как говорится.

– Алкоголик, что ли? – забеспокоилась Настасья. – Тогда лучше сразу гони, а то потом знаешь сколько горя хлебнешь. Вон у Танюхи сестра...

– Ты сбрендила или издеваешься? – рявкнула я в трубку. – У меня горе, а ты шуточки шутишь.

– Нет, серьезно, алкоголики – это такой народ...

Я не стала углубляться в проблемы алкоголиков и нажала кнопку «Отбой».

Потом накинула куртку и вышла на улицу. Погода была на удивление хорошая. Села на лавочку и бездумно уставилась в небеса. Почему-то ночное южное небо разительно отличается от нашего. Здесь звезды кажутся ярче и намного ближе. Каждую можно рассмотреть и чуть ли не потрогать руками. И само небо такое темное и загадочное, что невольно задумываешься о тайнах далекого космоса. К сожалению, мои мысли сегодня были далеки от глубин мироздания. Еще одна надежда на брак, семью и счастье приказала долго жить. Я просто задыхалась от обиды и жалости к себе, униженной и брошенной. Пожалуй, я больше никогда не смогу поверить этим гадким мужчинам. Обманщики! Что им все время надо? Чего все мечтают, меняют шило на мыло? Чего им, в конце концов, не хватает?! Я же красивая, умная, молодая. Хорошо готовлю, шить умею... Зачем он со мной так подло поступил? Чем та, другая, лучше? У нее три ноги, что ли, или глаз пять штук? Ведь все как у меня. Я не выдержала и разревелась...

Рано утром первым же рейсом я вылетела из Адлеровского аэропорта домой.

Глава 3

– Я не поняла одного, где твой загар? – спросила Настя, открывая мне дверь своей квартиры. – Съездить на юг и вернуться белой, как сметана, могла только ты, Белкина, и больше никто!

– Какой загар, когда жизнь рушится! – горько всхлипнула я, опускаясь на банкетку прямо в прихожей.

– А ты чего, разрушения восстанавливать не собираешься, что ли? – удивилась подруга. – Вот тут загар бы ох как пригодился!

– Все, хватит с меня! Больше никаких женихов и любовников. Раз не клеится у меня с личной жизнью, нечего и стремиться.

– Ага, зарекался котелок в печь ходить...

– Мужики все сволочи и гады. Скажи, ну зачем они нам нужны?

– Вопрос неожиданный, но не новый, – усмехнулась Настя, – попрошу только учесть, что нельзя всех равнять под одну гребенку. Если Андрюша подлец, это не значит, что, например, мой Пашка такой же.

– Ты просто жизни не знаешь, Настя. Ну, посмотри на всех моих ухажеров – один одного лучше, а ты сама – почти тридцатник, а все в девках маешься. И парней было сто штук, да где они все? Ну где?! И между прочим, имей в виду, что нам

еще повезло родиться с приличной внешностью. Выбор хоть какой-то есть. А остальным, у которых ножки покорооче да талия пошире, что делать прикажешь? Вешаться? Сажать в тюрьму надо предателей этих и обманщиков! Вот что я тебе скажу. Они так иной раз жизнь испохабить могут, ни один воруга потягаться не рискнет. Есть ведь статья за мошенничество? Есть!

Анастасия глубоко задумалась и выдала свое резюме:

– Когда ты начинаешь вдруг мыслить проблемами вселенского масштаба, у меня холодеет спина и начинают мучить дурные предчувствия. Знаешь что? А не поехать ли тебе, подруга, в какой-нибудь тихий уголок, подальше от мужских глаз, подлечить расшатанную психику?

– Не могу я уехать. Мне нужно посмотреть в глаза этому поганцу, а по возможности еще и плюнуть в них. Да и ехать-то мне особо некуда, я почти все деньги потратила на проезд и домик у моря... – Снова вспомнив о несбывшихся планах и растоптанных чувствах, я чуть не разревелась в голос...

– Ну, по первому пункту без проблем, сегодня же вечером пойдем и плюнем, – успокоительно похлопала меня по плечу Анастасия, – а второе тоже, я думаю, проблема решаемая... Например, для этих целей необыкновенно подходит твой дом в деревне... Тишина, чистый воздух... сказка.

– Тебя, Насть, послушаешь, и жить проще становится.

– А чего усложнять-то, скажи на милость? Есть что покушать, во что одеться, спина и ноги не болят – это ведь и есть

счастье, Ир. Остальное – суета и излишества, – засмеялась подруга. – А теперь давай гони домой, отсыпайся, наряжайся, на вечер у нас намечен поход в ресторан. Все мужики должны упасть, когда мы войдем. Пусть твой кобель локти кусает, что потерял такую женщину. Жаль вот только, загар ты не нагуляла, – озабоченно прикусила губу она. – Но тут уж ничего не поделаешь. Программа действий понятна?

– Да, мой генерал. – Я не случайно прямо с самолета рванула к подруге. Непостижимым образом ей удастся поднимать мне настроение, даже когда кажется, что все так плохо, что хуже быть уже не может.

Вечером мы, прекрасные, как никогда, стояли у входа в ресторан «Ассоль». Сбравшись с духом, я поднялась по ступенькам и вошла в зал. Андрея со смуглой красивой девушкой я увидела сразу, хоть он и сидел в затемненной нише у камина. Просто мои глаза сразу уперлись в его лицо. Потом переместились на руку, которой он нежно ласкал колено своей собеседницы. Настя потянула меня в сторону, показывая на столик, забронированный для нас. Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи. Ноги мои дрожали, но я довольно твердой походкой через весь зал направилась к нише за камином. Все взоры были прикованы ко мне. В бликах камина и колышущемся свете факелов на стенах я в своем красном переливающимся платье выглядела потрясающе. Андрей тоже увидел меня, приподнялся со стула и замороженно смотрел в мою сторону. Где-то в середине зала ко мне подскочил

молоденький парнишка и зататарил:

– Девушка, вы так прекрасны, разрешите пригласить вас на чашечку кофе.

Я немного отклонилась от своего маршрута, подошла к столику, где гуляла его шумная компания, приняла чашечку, предложенную молодым человеком, и, не поблагодарив, двинулась дальше. Я не отрывала глаз от бывшего любовника и видела, как он меняется в лице. Наверное, будь он один, то со всех ног бросился бы наутек, но, видно, ему не хотелось позориться перед юной спутницей, и он настороженно ждал моего приближения, готовя дежурные фразы для приветствия. Но я не доставила ему удовольствия поговорить с собой. Подошла, медленно выплеснула содержимое чашечки в его наглую рожу, секунды три понаблюдала, как черная жижа стекает со лба и щек на белоснежный воротник рубашки, ободряюще улыбнулась смуглой красотке и двинулась в обратный путь.

Все это я проделала словно во сне, очнулась только в холле, куда меня за руку выволокла встревоженная Настя.

– Ну ты даешь, подруга. Я и не подозревала, как сильно расшаталась твоя психика. Давай-ка прямо сейчас, не дожидаясь утра, дуй к себе в Лисицино. А то этот фраер через часок придет в себя и прикатит к тебе с разборками, с него станется. А мы с ребятами послезавтра в гости к тебе поведем на все выходные. Идет?

Я кивнула. А что мне еще оставалось делать?

Так я оказалась одна на темной лесной дороге...

Глава 4

Первая ночь в Дупле оказалась не слишком уютной. Проснувшись утром я с ужасной головной болью. Поглядев на ходики на стене и увидев, что прошло без малого пять часов, я встала и, позевывая, направилась к Виктору.

Дверь мой сосед никогда не запирает, и в дом я попала беспрепятственно. Признаться, входила с опаской. Хорошо, если батюшка еще спит, а вдруг и правда буянит, как предсказывал Витек. Заглянув в дверь, я с облегчением увидела, что в сенях никого нет. Уже лучше, значит, основной удар принял на себя сосед. Пройдя дальше, я смогла наблюдать самого Витю, сладко похрапывающего в своей кровати.

Так, видимо, этот неблагодарный Ксенофонт ушел по-английски, не прощаясь... Ну может, это и лучше. Растолкав Виктора, я потребовала обещанного чая. Он не стал ломаться, и через несколько минут на столе дымились две чашки, а из вазочки одуряюще пахло земляничным вареньем.

– Ириш, как думаешь, может, и батюшку пора будить? – Витя неопределенно мотнул головой назад, в сторону сеней.

– Опоздал, милый, – помешивая ложечкой чай, отозвалась я. – Падре уж давно ноги сделал. Сейчас уж небось под бочком у заботливой матушки Елены сны досматривает.

Витек поперхнулся чаем, видно захлебнулся, потому что натужно закашлял, страшно вращая глазами и делая руками

бессмысленные пассы. Я поспешила на помощь другу и постучала его по спине.

– Ты как-то все-таки поаккуратнее, Вить, так и помереть недолго.

– Ты сбрендила, что ли? – прокашлявшись, просипел сосед. – Уже три года, как матушка Елена в могиле сны смотрит.

Теперь пришла моя очередь выпучивать глаза.

– Ты ошибаешься, она вчера звонила мужу и поторапливала домой.

– Откуда звонила? – прошептал ошарашенный сосед.

– Ну, не знаю, – растерялась я, – с ней сержант Скворцов разговаривал, я только ржание слышала.

– Она что, ржала в трубку?! – поразился Витек еще больше.

– Да нет, это звонок на сотовом у батюшки такой. Слышь, ты, видно, ошибся, Вить, спутал с кем-нибудь...

– Да ты чё? Я совсем, что ли? – Сосед даже на ноги от возмущения вскочил. – Я на похоронах гроб нес, а ты говоришь – спутал. Хочешь, я тебе могилу покажу? Тоже мне! Витя пока в своем уме.

Мы молча уставились друг на друга.

– Все ясно, – хлопнула я себя по лбу, – Ксенофонт опять женился. Вот и все.

– И жену снова звать Елена? – с сомнением посмотрел на меня Виктор.

– А что такого? Имя вполне распространенное. Да и потом, попы такой консервативный народ. Ему, может, легче жену с таким же именем найти, чем новое запоминать?

– Сомнительно. Странно, что я не слышал о его женитьбе. Мы вообще-то часто с ним... того...

– Водку хлещете?

– Беседуем о мирском за кружкой пива, – потупился сосед.

– Оно и видно. Ладно. Черт с ним. Вернее, бог с ним. Ушел, и ладно. На этом наша забота о нем закончена. Хотя мог бы спасибо сказать, неблагодарный человек.

Мы еще немного посидели с Витьком, съели все варенье и целую вазочку печенья. Сосед поведал мне последние деревенские новости.

– Знаешь, Ир, – смущаясь, поделился друг, – тут доярка одна, ну... это... неровно дышит ко мне.

– Невесту, что ли, завел? – с улыбкой посмотрела я на покрасневшего Виктора.

– Да какая там невеста, – испугался сосед. – Девка, конечно, так ничего, видная... Да имя уж больно не того... громобойное – Матрена.

– Мотя, значит. А что, имя как имя. Оригинальное. По-знакомишь?

– Рано еще, – поразмыслив пару секунд, решил Виктор. – В следующий раз как-нибудь, если чего сложится.

– Ну, как знаешь, – не стала настаивать я. – Вить, завтра

Настя с ребятами приедет. Собразим баньку с шашлыками?

– Да не вопрос. Сделаем в лучшем виде.

Половину дня я провела беззаботно валяясь на солнышке. Мое состояние и настроение удивительно быстро шло на поправку, произошедшее на юге и даже картинка, увиденная мной вчера в ресторане, уже не казались мне такими ужасными и болезненными. Лежа в гамаке среди величественных берез, убаюканная монотонным стрекотом кузнечиков в траве, наблюдая сквозь полуприкрытые веки за пробегающими по небу легкими облаками, то и дело принимающими причудливые непонятные очертания, я вскоре пришла к выводу, что жизнь-то, в принципе, не так уж и печальна, как мне показалась вчера... К обеду прибежал взбудораженный Витек.

– Ир, я в Евсеевке был... – едва переводя дух, выпалил он.

– Ксенофонта опохмелять бегал? – лениво поинтересовалась я.

– Не появлялся он дома и жены у него никакой нет.

– Да ты что? – Я широко раскрыла глаза и села в гамаке.

– Вот тебе и что, – проворчал Виктор. – Говорил я тебе, не слышал о женитьбе, а ты не верила.

– Ну и что это было тогда? Я не усну теперь, пока не узнаю.

– А как узнаешь-то? – вздохнул сосед.

– Для начала надо найти сержанта Скворцова, – подумав немного, предложила я. – Пойдешь со мной в отделение милиции?

– Провожу, – подумав пару секунд, согласился Виктор. –

Но внутрь не пойду. Лучше я тебя на улице подожду. Я с участковым не очень лажу.

– Характерами не сошлись? – обуваясь, поинтересовалась я.

– Мне его характер по фигу, – не стал вдаваться в подробности сосед. – Это он привязывается все время.

– Ясно все с тобой, – усмехнулась я.

Через полчаса я уже держала в руке бумажку с данными Скворцова Николая Дмитриевича. Адрес, домашний и служебный телефоны. Позвонив по обоим, я выяснила, что Коля находится на пропускном посту на двадцать третьем километре.

– Это не очень далеко от Лисицина, – заверил меня Витек. – Поехали, я покажу.

– Слушай, Вить, я так поняла, что ты хорошо Ксенофонта знаешь, – проехав немного, сказала я. – Он хоть священник-то как, хороший или так себе?

– Смотря что понимать под хорошим. Человек он, в общем, не самый плохой. Действительно хороший даже. Пьет, правда, много, но старается вести себя прилично, не дебоширит, не матерится. Я думаю, для служителя Бога это не самая замечательная характеристика. Но прихожане его любят. Он подлостей никому не делает, не жадный, с матушкой Еленой тоже нормально жил, ни ссор, ни драк у них не было. Вот и рассуди, хороший он или плохой?

– А лет ему сколько? – продолжала допытываться я.

– А фиг его знает. Лет пятьдесят, думаю, а может, сорок пять, под бородой и рясой не поймешь, – задумался Виктор.

– И он что, всю жизнь попом работает?

– Нет, он батюшкой-то лет десять, не больше, числится, до этого спортсменом был, тяжелоатлетом.

– И как уж его в святые отцы тогда занесло? – удивилась я.

– Он рассказывал, видение ему было, – серьезно заявил сосед.

– Правда, что ли?

– Я так думаю, что на самом деле было. Пьяный он заснул на балконе, просыпается, а там тетка в белых одеждах летает и руками машет, мол, иди сюда. Он чуть с балкона не прыгнул, дернулся к перилам да на гвоздь босой ногой напоролся. Тут и очнулся.

– Больше на белую горячку смахивает, – с сомнением покачала головой я.

– Это точно. Но жена его, Елена, уж больно верующая была, она это все по-своему обыграла. Тетку за Деву Марию выдала, а то, что он чуть с балкона не сиганул, – за Божью кару. А может, это и правда настоящее видение было, посланное Ксенофонту, чтобы от пьянки его отвратить... Хотя теперь уж это не важно. Главное, Елена правильно себя повела. Капала ему на мозги, капала, он и поверил. В семинарию поступил, пить бросил. Дали ему приход в Евсеевке. Обосновались там. Ксенофонт нормальным попом стал. Только со временем попивать опять начал. Он мне признался, что оби-

ду на Бога держит немалую. Детей-то у них так и нет, а им уж больно хотелось, Елене особенно. Столько она молилась, а Бог так и не порадовал их потомством. Я думаю, это пьянство все же виновато. А уж когда Елена умерла от банальной ангины, батюшка и вовсе приуныл. По-черному запил. На проповедях несет иной раз что в голову стрельнет.

– И что, никто на него не жалуется? – усомнилась я.

– Нет пока. Прихожане сочувствуют, помочь пытаются, кто чем может. Приходят ему готовить, в доме убираются. Понимают, что Ксенофонт хоть и священник, но тоже ведь человек из плоти и крови.

– Добрые у нас люди, – усмехнулась я.

– Люди все видят... Он, между прочим, тоже без дела не сидит, – слегка обиделся за батюшку Виктор. – Два года назад церковь отремонтировал, в прошлом году за свой счет часовенку сладил в память о матушке Елене. А что попивает, так у всех слабости есть. Эта еще не самая скверная. Он и сам ведь понимает, что грех это, но поделаться ничего не может, не зря, наверное, говорят, что алкоголизм – это болезнь, причем неизлечимая. А вообще, людей-то не обманешь, особенно в деревне. Раз его любят, значит, стоит он того, вот что я тебе скажу. Мужик он, без сомнения, умный, совестливый и о прихожанах искренне перед Богом радуется...

– Ты прав, наверное, Вить, – примирительно согласилась я. – Просто Ксенофонт оставил в моей памяти не самые светлые впечатления. Мне кажется, в машине до сих пор перега-

ром разит.

– Выветрится, – отмахнулся Виктор.

Мы подъехали к посту ГАИ. Коля, узнав меня, искренне обрадовался:

– Привет! Ну, как там наш героический святой отец?

– Здравствуй, познакомься, это мой сосед Виктор. – Мужчины пожали друг другу руки. – Мы к тебе, Коль, по делу вообще-то... Витька вот, – я кивнула в сторону соседа, – хорошо знает Ксенофонта и говорит, что его попадья умерла три года назад, а новой батюшка еще не обзавелся. Вот нам и стало интересно, ты с кем по сотовому разговаривал?

– С теткой какой-то, – недоуменно пожал плечами Николай. – Она сначала ругаться начала, а потом, когда я представился, объяснила, что она матушка Елена и беспокоится о муже. Вот и все.

– Ну, может, подружка какая, батюшке-то не положено, вот и постеснялась представиться, – предположил Витек. – Значит, он не пропал, а к пассиву подался завтракать.

– Он что, еще и пропал? – удивился Скворцов. – Вы же должны были его до дому довести.

– А ты мне адрес сказал? – укоризненно посмотрела я на сержанта. – На радостях понесся к молодой жене, ничего толком не объяснив.

– Какой адрес? – еще больше удивился тот. – Чай тут не город. Село я тебе назвал, а там Ксенофонта каждая собака знает.

– Ага, особенно ночью, – с сарказмом заметила я, – пришлось его к себе везти. Он проспался и удалился по-английски, не прощаясь.

– А почему тогда вы решили, что он пропал?

– Так домой-то не появился, – пояснил Виктор.

– Может, пошел машину выручать? – пожал плечами сержант.

– Точно! – хлопнул себя по лбу сосед. – А мы и не подумали. Она все там же, в овраге? – повернулся он к Скворцову.

– Нет, ну что вы! – воскликнул тот и пояснил: – Беспризорную машину непременно разграбят. Даже в лесу охотники найдутся чужим добром поживиться. И откуда они узнают так быстро, где что плохо лежит, ума не приложу... Я сразу, как приехал домой, позвонил ребятам на пост, они вытащили ее и перегнали на старую ферму совхоза «Заря». Коров там давно уж нет, а сторож остался пока, чтобы по бревнам не раскатали. Туда «пятерку» и отправили, к Михалычу под крылышко.

– Я знаю, где это, – ткнул меня в бок Виктор, – поехали.

– Зачем мы туда попремся? – недовольно возразила я. – Ксенофонта там уже нет наверняка. Узнал у гаишников, куда делась машина, поехал и забрал ее. Сейчас дома уже, наверное.

– Тогда давай заедем еще раз в Евсеевку, – настаивал Витек.

– Ну чего ты пристал? – совсем не горела желанием еще

раз встретиться с Ксенофонтом. – Чего мы там потеряли?

– Любопытно насчет подружки узнать, кто на этого борова клюнул...

– Не стыдно? – Я укоризненно посмотрела на соседа. – Мужик вроде.

– Стыдно, Ириш, стыдно, – притворно потупил глазки Витек. – А что делать? Новостей-то у нас, сама знаешь, негусто, а тут такое! Не вредничай, давай заедем, что тебе стоит, – заканючил сосед.

– Да ладно, заедем, – не стала больше спорить я.

Дома батюшки не было. Судя по всему, он так и не вернулся из вчерашней поездки. Мы озадаченно переглянулись.

– Я начинаю беспокоиться, – трагично произнес Витя. – Ксенофонт даже в храме сегодня не появился, а это уже серьезно. Он вообще-то к работе ответственно относится.

– Ну, что ты так на меня смотришь, прямо как собачонка голодная? Поехали уж на эту ферму, чтобы ты успокоился. Может, он в город повез машину, в сервис, а мы тут носимся по области из конца в конец. Было бы из-за кого беспокоиться. – Я ворчала в течение всего пути до совхоза «Заря».

Хлюпая по грязи, окружающей ферму, я мысленно проклинала Ксенофонта, Витька и всех алкоголиков вместе с ними.

– Ну, и где этот героический сторож?

– На фига он тебе? Сейчас сами машину найдем, не так много места вокруг... да вон и автомобиль. Смотри, вон там,

у забора.

Мы поспешили туда. Кто же знал, что лучше бы нам этого не делать... Но в тот момент нас с Витькой гнало вперед какое-то дурацкое чувство любопытства и задора. Лично мне больше всего хотелось как можно быстрее покончить со всеми нелепыми загадками и вернуться в свой уютный гамак, вернуть утреннее чувство спокойствия и умиротворения, безвозвратно утерянные из-за суеты и постоянного зудения соседа.

Достигнув автомобиля в рекордно короткие сроки, мы озадаченно остановились. Развалившись на водительском кресле, сидел огромный мужик в рясе. Креста на нем не было.

– Ничего себе! Ксенофонт, ты уже похмелился, что ли? Или еще со вчерашнего дрыхнешь? – загоготал Витек. – Не мог до дома дотерпеть? А крест где? Пропил, что ли?

– Заткнись, обормот! Смотри... – У меня мгновенно пересохло во рту. Из шеи святого отца торчала рукоятка ножа. – Подойди, потрогай его, может, еще жив... – с ужасом прошептала я.

Виктор ничего не ответил, только пару раз сглотнул, а потом нерешительно дотронулся дрожащими пальцами до щеки святого отца.

– Вроде теплый...

– Сейчас подгоню машину, – немного приободрилась я, – придется опять эту громадину на себе таскать.

– Может, вызвать скорую? – Витьку явно не хотелось снова трогать раненого руками. – Вдруг его передвигать нельзя?

– Это долго, Вить, я сотовый дома на зарядке оставила. Придется самим в больницу ехать, потом они сюда и отсюда. В три раза больше времени потратим. Вдруг он помрет, пока мы будем циркулировать. Нет, придется самим грузить.

– Ир, а давай попробуем найти сторожа, может, у него связь есть, – не соглашался Виктор.

– Где мы его будем искать?

– Вон, видишь, будка двухэтажная, – показал рукой куда-то в сторону сосед, – он обычно там и сидит.

– Ну, так беги скорее, не тяни, у нас времени в обрез.

Парень улетел с места преступления быстрее ветра...

...Прошло минут десять. Я смотрела на бледного батюшку и недоумевала, как такое могло случиться? Как он оказался на заброшенной ферме? Судя по всему, проснувшись утром в доме Витька, он сразу, не заходя домой, начал поиски машины. В ГАИ ему указали место, куда ее отогнали, и он понесся сюда. На чем он добирался? Вряд ли пешком. От нашего дома до фермы совсем не близко, а автобусы этим маршрутом не ходят. Значит, его кто-то подвез. Надо бы расспросить Михалыча, может, видел чего. Хотя надежды мало, нас встречать сторож не вышел, возможно, и Ксенофонт обошелся своими силами. Размышляя таким образом, я окинула взглядом полуразрушенную ферму и увидела Витьку, огромными скачками несущегося ко мне. Лицо его выгляде-

ло не просто бледным, а даже каким-то серым с зеленоватым отливом.

– Ир, линять надо отсюда, чем быстрее, тем лучше! – еще издали закричал он. – Тут не ферма, а кладбище какое-то. Михалыча тоже того... насмерть. Бросаем Ксенофонта и тикаем на фиг. Ему скорую вызовем из ближайшей деревни.

– Ты мужик или нет? – прикрикнула я на соседа. – Что визжишь, как баба? Толком объясни, чего там в сторожке?

– Михалыч мертвый! – выпалил Виктор.

Я охнула, но быстро взяла себя в руки.

– Ты уверен? Может, тоже еще дышит?

– Не, он синий уже. Кровищи кругом! Ужас! Горло перерезали ему. – Голос парня постоянно срывался на крик.

– Стой здесь, сейчас быстро за машиной смотаюсь, – командовала я.

– Нет, я один с ним не останусь, – стуча зубами, заявил сосед, – пошли вместе, батя не убежит, подождет, как миленький.

– Ну ты и трус, Витька, – вздохнула я.

– Пусть трус, но я не останусь, – продолжал настаивать на своем он.

– Ладно, пошли, – согласилась я.

Вернулись мы минут через семь. Я разложила переднее сиденье, и мы стали вытаскивать Ксенофонта из его машины. Вдруг руки у Виктора затряслись, и он стал затравленно оглядываться по сторонам.

– Ты чего это? А? – заволновалась я.

– Ты видишь то же, что и я? Или это глюки? – с надеждой спросил сосед.

Я посмотрела на батюшку, внутри у меня все сжалось и похолодело. Все было точно так, как мы оставили, только ножа не было, а на шее болталась удавка. Затягивать плотно ее не стали, а может, просто не успели. Значит... мамочки родные! Убийца где-то здесь! Он смотрит на нас и может в любой момент выстрелить в спину. Нужно срочно бежать. Но если мы уедем, отца Ксенофонта точно добьют. Нет уж!

– Витька, не смей дезертировать! – закричала я, заметив, что он готов бежать куда глаза глядят. – Чем быстрее погрузим падре, тем быстрее слиняем отсюда. Иди, помогай. Пешком все равно далеко не уйдешь, догонят и прирежут! – пригрозила я парню.

Дрожащими руками мы кое-как затолкали батюшку в машину и прыгнули в нее сами.

– Ну все, – облегченно вздохнула я, – теперь быстро поедем.

Выезжая на трассу, мы заметили вдалеке машину, выскочившую на дорогу из-за ближайших деревьев. Уже достаточно стемнело, и марку авто было не разглядеть.

– Чего там за деревьями? – спросила я забившегося в угол на заднем сиденье Витька.

– Дорога, ведущая к главному входу на ферму, – не раздумывая, отозвался он, вглядываясь в задние огни быстро уда-

ляющегося автомобиля.

– Я так и думала. Если убийца тоже был там, то и машина его должна была стоять поблизости. Не пешком же он пришел.

– Давай гони, Ириш, нервы уже на пределе. Как домой приеду, напьюсь, ей-богу! Что же это делается, а? Жить страшно. В город, что ли, опять податься?..

– Можно подумать, в городе преступников нет, – рассеянно отозвалась я, думая совершенно о другом. Говорить о разных глупостях не хотелось, но и молчать было невмоготу.

– Тоже верно, – покладисто согласился Виктор, – ужас какой-то...

– Хватит стонать, и так тошно, – проворчала я, изо всех сил нажимая на газ.

Когда мы подъехали к Колиному посту, уже совсем стемнело. Увидев нас в компании бесчувственного святого отца, он хлопнул себя по коленям и заржал:

– Неужели опять? С горя, что ли, набрался? Я вас как увидел, анекдот в голову пришел смешной: около поста ГАИ сломался рефрижератор с пингвинами. А им без холода нельзя, сдохнуть могут. Нужно срочно их доставить по месту назначения, а не на чем. А тут мерс крутой гонит – километров двести в час, гаишник его останавливает, вылезит новый русский. «Понимаю, – говорит, – превысил, может, договоримся?» – «Ладно, прощаю, только вот пингвинов в зоопарк отвези, и мы в расчете». – «Нет проблем, не о чем база-

ритель». Забрал пингвинов и уехал. В следующую смену стоит опять гаишник на посту, позевывает, вдруг видит – опять тот же мерс гонит, а в нем на заднем сиденье два пингвина, все в золоте, с сотовыми телефонами. Он обалдел прямо. «Ты что? – кричит. – Я же велел тебе их в зоопарк отвезти, а ты?!» – «Обижаешь, начальник, я все, как обещал, сделал и даже больше. В зоопарк их сводил, в ресторан, сейчас вот в оперу везу». И вы вот так же. Тоже, видно, с батюшкой сроднились... А чего не смеетесь-то? Хороший ведь анекдот, – обиженно спросил Коля.

– Не до смеха, – отрезала я, – отца Ксенофонта кто-то ножом пырнул, да еще задушить пытались, но не успели. На посту телефон есть? Скорую бы.

– Я сейчас по рации вызову, – ошарашенно пообещал Николай.

– И в милицию сразу звякни. Там на ферме еще одна жертва. Михалычу горло перерезали, – вставил приободрившийся Витек.

– Труп, что ли? – изумился гаишник.

– Самый настоящий, – авторитетно подтвердил Виктор.

Мы дождались, пока приехавшие врачи аккуратно перегрузили тело батюшки в карету скорой помощи, и поехали домой. По дороге мы все гадали, за что напали на двух в общем безобидных мужиков.

– Они, в принципе, и знакомы не были, – горячился сосед, – кому они помешали? И машина на месте. Крест толь-

ко украли. Неужели из-за креста обоих замочили? Как думаешь, он золотой был?

– Вряд ли. Больно здоровый, – с сомнением ответила я, внимательно вглядываясь в темную лесную дорогу. – Думаю, убить хотели одного, а второй просто как свидетель пострадал. А вот кого хотели убить – это вопрос.

– Ни того ни другого вроде не имеет смысла мочить... Хотя кто их знает, может, чечен какой или еврей?

– А еврей-то тут каким боком? – удивилась я.

– Не скажи! Они религию очень чтут. Может, Ксенофонт чего про них на проповеди гадкое сказал. Он иной раз такую чушь нес, особо с похмелья, закачаешься.

– Вот придет в себя и спросим.

– Да он, чай, и сам не помнит, чего буровил, – с сомнением почесал затылок Витек.

– А он богатый? – поинтересовалась я.

– Батюшка-то? А фиг его знает. – Сосед пожал плечами и после некоторых раздумий добавил: – Скрытный он. С виду вроде не особо зажиточный. Ну, несут ему прихожане то да се. Покушать в основном... Зарплату кой-какую получает по Божьей милости. Не с чего вроде жировать особо.

– А Михалыч что за человек? – продолжала допытываться я.

– О покойниках не принято плохо говорить, но зануда был, скажу я тебе, первостатейный. С ним выпивать никто не любил. Прилипнет как банный лист к кому-нибудь и нудит.

– А о чем говорит-то?

– А бес его знает, – пожал плечами Витек, – когда чего. То ему пенсия мала, то президент не угодил, то девки его не любят, а то евреев опять же хаает. Одним словом, была бы тема, Михалыч ее так обслюнит, что тошно становится.

– Ну а с деньгами у него как? Водились рублики?

– Откуда? – удивленно глянул на меня Витек. – Чай сторожем работал, не министром.

– Все ясно, – задумчиво нахмурилась я, – вернее, ничего не ясно. Скажи на милость, за что их можно убить? И главное, не по пьяной лавочке, а специально приехали в этот козий угол. Ты заметил, машина у убийцы приличная была?

– Не разглядел, – с сожалением признался сосед, – да уж, загадка. Как думаешь, найдут, кто Михалыча порешил?

– Сомневаюсь я что-то. Хотя все бывает.

– Не скажи, у нас милиция хорошая, – не согласился Виктор, – только вот участковый – козел. В семье, как говорится, не без уроды. Так вот, выпивали мы раз с ментами, приехавшими к нам на выборы...

– Ради бога, Вить, заткнись. Я сейчас про алкоголиков слышать не могу.

Парень обиженно надулся и замолчал. До дома он не проронил больше ни слова.

Загнав машину в гараж, мы пошли в мою половину.

– Вить, ну не обижайся. Пока я чай ставлю, стоняй к себе за вареньем земляничным. Знаешь, как я его люблю! Ни-

кто так варить не умеет, только ты! – Я знала, чем польстить парню. – Слушай, а за что ты так участкового не жалуешь? Обидел он тебя чем, что ли?

– Да это чмо полдеревни обидело, не только меня, – с презрением в голосе пробурчал сосед. – Например, каждый месяц проходит по всем дворам и собирает по бутылке водки, якобы взаймы. Заметь, не самогона, а именно водки, причем хорошей. Приходится специально идти в магазин и покупать, чтобы этот козел не обиделся.

– Да фиг с ним, пусть обижается, – легкомысленно заметила я, доставая чашки.

– Ты не дослушала, – продолжил он, – если кто не даст, он ничего, утрется и уйдет. Но! На следующий день с ордером приходит изымать самогонный аппарат. А у кого его нет в деревне-то? Без него мы никуда. Потом изымает и выписывает такой штраф, что больше цены водки аж на два нуля.

– Набили бы ему морду, и вся недолга, – посоветовала я.

– Так били, Ириш, еще как били, – поморщился Виктор, – он после этого настрочил жалобу в эпидемнадзор, и мы неделю без свежего хлеба сидели. В прошлом году я не выдержал, наподдал ему как следует, так он меня на пятнадцать суток упек. Причем в сопроводительных документах написал, что я не морду ему набил, а приставал и грязно домогался. Педиком решил меня, сучонок, выставить. Хорошо, меня все в округе знают, а то прям хоть стреляйся.

– И ты ему это так с рук спустил? – не поверила я.

– Обижаетесь, – ухмыльнулся Виктор, – я как вернулся, начал к нему в гости ходить с тортиками да цветочками. Наряжусь и иду с букетом по улице, чтобы все видели. Две недели ходил. Мужики заинтересовались, спрашивать стали, что да как. Я мялся-мялся, потом объяснил, что сохнет по мне участковый, проходу не дает. За то, что не отвечаю взаимностью, на пятнадцать суток уpek. Вот я и решил, лучше уж подмазаться к нему. А то опять на меня осерчает, а мести улицы не особо приятное занятие.

– И что, поверили тебе мужики?

– Может, да, может, нет, – пожал плечами сосед и продолжил с хитрой улыбкой: – Да больно уж поверить-то хотелось. Ненавидят его все. Когда он про это прослышал, побежал мне права качать. Встретил меня в магазине и стал орать. Я на коленки встал и заголосил: «Прости Христа ради, Филиппушка. Не завезли сегодня тортов, не виноватый я!» – и руки стал целовать. Он остолбенел и рук не отнимает. Тут ко мне Василий с Петрухой подскочили, подняли, утешать начали: «Что же вы, Филипп Леопольдович, такой жестокий, говорят, ну, не завезли сладенького, уж потерпите маленечко, что же сразу бросаетесь на парня. Нетрадиционная ориентация – не оправдание, чтобы руки распускать». Он стоит, рот раскрывает, как рыба, а слова в горле застряли. «Вы уж, товарищ участковый, поаккуратнее со своими порывами сексуальными. А то с работы попереть могут». Эти слова Василия доби́ли Котяру окончательно. Он позеленел и заши-

пел: «Какие такие порывы? У меня нормальные порывы!!!» – «Для вас, может, и нормальные, а мы как-то с женщинами больше привыкли». – «Дак и я, братцы, с женщинами!» – «Не оправдывайся, Филипп, чего стыдиться?» Я положил руку Котяре на плечо. Ребята с серьезными сочувствующими лицами дружно закивали, хотя внутри давились от хохота. С тех пор он ни разу ко мне не привязывался по-крупному, понимает, что себе дороже. Но укусить всегда норовит, паскудник. Знаешь что, хватит забивать голову всякой ерундой, давай лучше телик посмотрим.

Когда все телевизионные программы закончились, мы стали прощаться.

– Как-то отпуск у меня начался отвязно. Я думала, хуже, чем в Адлере, быть просто не может, а вот смотри, что получается... Прямо даже назад на работу захотелось, – вздохнула я.

– Завтра Настюха придет, враз повеселеешь, – ободряюще похлопал меня по плечу сосед. – На сколько человек мяса-то брать? Вера Сергеевна поросенка резала, предлагала килограммчиков десять.

– Бери, – кивнула я, – сала еще насолим. А остальное они из города привезут.

– Я не знаю, чего они вечно с собой целые баулы прут? У нас здесь картошка, помидоры, огурцы, зелень – считай бесплатно. Самогонки у меня целая фляга в погребе, мясо тоже с городским не сравнишь. Все высшего сорта. А Насть-

ка в городе всякой ерунды втридорога накупит и радуется, дурында. Ты хоть ей скажи.

– Да говорила уж сто раз, – улыбнулась я, – разве ж она послушает.

– Ладно, спи давай. Утром в лес за вениками пойдем. Свежий душистый веник – половина банного удовольствия. На завтрак окрошку сделай. нарежь всего, а я квас принесу. Матрена закваску притащила знатную, не квас получается, а чистый мед.

Глава 5

Проснулась я от громкого стука в окно. Глядя на предрасветную марь за окном, я спросонья силилась понять, что это за грохот. Потом разглядела девушку, усиленно машущую руками. Накинув халат и с трудом найдя тапки, я открыла дверь. Девушка, оттолкнув меня, схватила в сенях два ведра с водой и выскочила на улицу. Ничего не понимая, я рванула за ней. Наш дом горел. Видимо, благодаря усилиям спасительницы пламя не успело расползтись по бревнам. Через пару минут огонь был потушен. Мы еще потоптали ногами тлеющую траву и недоуменно уставились друг на друга.

– Вы кто? – подозрительно спросила девушка.

– Я хозяйка этого дома, а вы кто? – все еще не придя в себя окончательно, автоматически поинтересовалась я.

– Городская жена Виктора? – продолжила допрос неожиданная гостья.

– Почему это? – Вопрос девушки порядком меня удивил.

– Ну как же, раз он хозяин, а вы хозяйка... – смутилась та.

– А, вы Матрена? Я угадала? – Видя, что девушка не возражает, я рассмеялась. – Нет, мы с Витей родственники, дальние правда. А дом принадлежит нам обоим. Ему та половина, а мне эта. Я нечасто приезжаю. Этим летом вообще первый раз. Отпуск у меня. Правда, неудачный какой-то. Теперь вот еще пожар. Если бы не вы...

– Пойдемте, посмотрим, как там Витька, – перебила меня Мотя. Мои благодарности были ей не интересны. Похоже, все, что ее интересовало, она уже услышала.

Мы обошли дом и увидели, что всегда открытая дверь со-седа приперта поленом.

– Ничего себе! Он что, ушел куда-то среди ночи? – Я изумилась вполне искренне.

– Да там он, вашу дверь тоже так заклинили поленом, я его выбросила.

– И кто это сделал, ты не знаешь?

Мотя, не обращая на меня внимания, добежала до Витькиной кровати и стала трясти его за плечи.

– Ты чего безобразничаешь? – подскочил на постели парень. – С ума, что ли, сошла? Ночь на дворе... – Тут он увидел меня. – И ты здесь? Девки, чего вам не спится-то и как вы вместе оказались? – Он подозрительно посмотрел на девушку. – Матрена! Ты приставала к Ирине со своей дурацкой ревностью? Я же тебе еще в прошлый раз на танцах объяснял, что...

– На танцах ты лапал Таньку за задницу, – перебила его гневную тираду Мотя.

– И за это ты дала ей доской под зад? А Вера тебе чем не угодила?

– Она к тебе приставала, – поджала губы девушка.

– Вера попросила у меня сигарету.

– И когда это она курить-то начала, курва? – Руки Матре-

ны воинственно уперлись в бока.

– Так, ребята, кончайте базар, потом доругаетесь, – решила я прекратить этот увлекательный диалог. – Матрена нам сегодня жизнь спасла и имущество, между прочим.

– Что за ерунда? – Виктор спустил ноги с кровати и потянулся за сигаретами. – Давай-ка по порядку, а то я никак толком не проснусь.

– Пусть Мотя сама расскажет, как все было, – пожалала я плечами. – Я пока тоже ничего не понимаю.

Со слов девушки произошло следующее.

Еще утром сарафанное радио донесло Матрене, что к ее зазнобе ночью прикатила баба на машине и вообще вся из себя. После работы она решительно направилась сюда, чтобы разобраться на месте, но нас не застала, мы уже уехали на поиски отца Ксенофонта. Упорная девушка решила все же дождаться соперницы и высказать ей свои претензии. Но когда мы подъехали и вошли в дом, на Матрену внезапно напала робость. Она решила сначала разведать, что и как, а то Виктор опять скажет, что ничего не было, а она, Мотя, просто дура и истеричка. Притаившись в темноте, девушка слышала все наши разговоры через открытое окно кухни. На любовную связь вроде ничего не намекало, и, услышав, что мы собираемся смотреть телевизор, уставшая Матрена решила пойти домой. Дома, проворочавшись часа полтора без сна, решила, что зря отложила объяснения на утро и еще надо бы удостовериться, как мы легли спать – вместе или порознь.

Разговоры разговорами, а может, все-таки Витек ее обманывает. Накинув халат, Матрена поспешила обратно к нашему дому. По дороге увидела какую-то фигуру, мелькнувшую в конце улицы. «К кому-то еще гости пожаловали... Чего это они все по ночам шляются, дня, что ли, мало?» – подумала Мотя по ходу дела. Подойдя к дому, она увидела ту же, а может, просто похожую темную фигуру, копошащуюся на моем крыльце. На земле стояла большая канистра. Девушка затаилась в темноте. Спустившись с крыльца, человек подхватил канистру и пошел за угол дома. Мотя за ним. Увидев, что он поливает из канистры стену, она закричала: «Ты что, паразит, делаешь? Зачем бензин льешь?» Человек обернулся, бросил спичку – и дом вспыхнул. Фигура метнулась сначала в сторону девушки, но потом шарахнулась в другую и скрылась.

– Ты рассмотрела его лицо? – с надеждой посмотрел на подругу Виктор.

– Не до того мне было, – хмуро ответила Матрена, – тушить начала, пока намертво огонь не прихватился. Сбила пламя кофтой и побежала вас будить. Дальше знаете. Мы вон с девушкой, – она кивнула в мою сторону, – водой все залили да траву затоптали. Он мало бензина налить успел. Спугнула я его, окаянного.

– Это что же выходит, Мотя? – Я слегка ошарашенно смотрела на новую знакомую. – Ты хочешь сказать, что кто-то нарочно пытался подпалить наш дом?

– И вас убить, – серьезно и убежденно кивнула девушка.

– Как это? – опешил Виктор.

– Все окна были закрыты, а двери злоумышленник подпер полешками, – пояснила я.

– Как это? – снова повторил он, недоуменно хлопая глазами.

– Да вот так. Чего заладил, как попугай? Как! Как!.. – разозлилась я. – Ты теперь Матрене по гроб жизни обязан. Боюсь, не расплатишься. Придется жениться.

– Типун тебе на язык! – замахал руками сосед.

– Не обращай внимания, Моть, он шутит, – поспешила сказать я, видя, как глаза девушки наполняются слезами.

– Не больно-то и хотелось, у меня и без Витьки женихов полно, – гордо задрала подбородок она, – вон Петруха. Комбайнер, между прочим. Стихов хоть не пишет, зато на Доске почета два месяца висел. Его все уважают, не то что тебя. Он мне вчера предложение сделал. «Я, – говорит, – Мотенька, без вас жить не могу!» Вот. Так что засунь свой типун к себе в задницу. Понял?

– Петруха, значит? – сухо переспросил Виктор. – Ну-ну, в комбайнерши, значит, метишь? Ну, вперед! Куда нам до Доски-то почета да до уважения? Рылом не вышли! – Его ноздри раздулись и голос стал почти злобным. – Беги к Петеньке, а то узнает, где ты по ночам шляешься, разлюбит.

– Ты ревнуешь, что ли, Вить? – сразу как-то подобрела Матрена. – Да я и не смотрю на него. Ну, говорит он, и пусть.

А я-то что же? Я смеюсь над ним. Ей-богу, Вить! – Мотя подошла и ласково погладила Виктора по щеке.

– Смотрите, какая смешливая мадам! – отстранился он от девушки. – Смеется она! Вертихвостка!

Оставив ребят разбираться в их проблемах, я вышла на улицу. Как и следовало ожидать, там было тихо и абсолютно пусто. Конечно, глупо надеяться, что преступник ждет посреди улицы, когда его поймают. Естественно, он давным-давно сбежал... Признаться, я не на шутку струхнула и растерялась. Что все это может значить? Кому могли помешать мы с Витьком? Ума не приложу. В одном сомневаться не приходилось: все, что с нами случилось, как-то связано с покушением на отца Ксенофонта и убийством сторожа. Может, преступник думает, что мы его видели? Или запомнили его машину? Значит, утром надо немедленно идти в милицию и рассказать все, как было. После этого нас незачем будет устранять.

Решив все таким образом, я вернулась к себе. И, несмотря на тревоги и потрясения прошедшего дня, уснула, едва коснувшись головой подушки.

Глава 6

Поспать мне опять не дали. Не прошло и двух часов, как в окно снова забарабанили. Сегодня же проведу звонок! Если так будет продолжаться, визитеры запросто могут высадить окно. Интересно, кто на этот раз? Настасья так рано прибыть не в состоянии. Она наверняка еще видит предпоследний сон. Неужели Витька встал? Тогда, видимо, они с Матреной вообще сегодня не ложились. Кряхтя от досады, я вылезла из постели и поковыляла в сени. Уже взялась за замок, чтобы открыть дверь, но в последний момент поостереглась. Выглянув в оконце слева от двери, я увидела, что на крыльце возвышается мужик в милицейской форме. Лица его я не рассмотрела, так как в данный момент он оказался ко мне задом. Я вернулась к двери и поинтересовалась:

– Кто там?

– Гражданка, собирайтесь, – короткоскомандовал милиционер.

– Куда? – еще не совсем проснувшись, простонала я. – Сколько хоть времени-то?

– Вы были вчера свидетелем убийства сторожа на ферме совхоза «Заря»? – проигнорировал мой вопрос гость.

– Какой уж там свидетель! – попробовала я отбояриться от милиционера, хотя и понимала, что в принципе это бесполезно, но уж больно сильно хотелось спать. – Я и труп-то

не видела. В сторожку Виктор Терехов бегал – сосед мой. Его и спрашивайте, а я бы поспала еще, а?

– Не пререкайтесь, гражданочка, некогда мне тут с вами, – строго прикрикнул милиционер, – дойдет время и до соседа вашего. Я жду в машине, давайте побыстрее.

Какие хамы все-таки работают в сельских органах. Не представился даже. Могли бы нас и вместе с Витькой допросить, чего машину туда-сюда гонять. Это их дело, конечно, хотя увезут вот Виктора вечером, и кто будет баню топить? Да и шашлыки... Ворчи не ворчи, а пришлось собираться. Неторопливо умывшись, я приступила к покраске глаз, когда в дверь опять застучали.

– Ну что еще? – с досадой крикнула я, не отрывая взгляда от зеркала. – Подождать не можете? Я и так прямо из постели, без завтрака с вами еду, но хоть умыться дайте спокойно.

В этот раз за дверью оказался наш участковый с романтическим именем Филипп Леопольдович по прозвищу Котяра. Все забываю спросить у Витьки, почему оно так приклеилось к длинному рыжему мужику. Из-за отчества или благодаря образу жизни?

– Белкина Ирина Анатольевна? – не слишком любезно посмотрел на меня участковый. – Распишитесь.

– Вы что, Филипп Леопольдович, теперь почтальоном подрабатываете? – поинтересовалась я.

– Не хамите, Белкина. Это повестка. По ней вы завтра обязаны явиться в областное управление милиции для дачи по-

казаний по поводу убийства Игошина Ивана Михайловича и покушения на Перова Семена Игоревича.

– Я про Семена... Как его там... ничего не знаю, – честно призналась я.

– Семен Игоревич Перов проживал в Евсеевке под именем отца Ксенофонта, – терпеливо пояснил участковый.

– А-а! Так бы и говорили, а то морочат голову, то один, то другой. Позвольте, – вдруг спохватилась я, – а тот, который на улице в машине, куда меня везти собрался?

– С другими сами разбирайтесь, Ирина Анатольевна, – с досадой отмахнулся от меня участковый, – не могли бы вы получить повестку и для вашего соседа тоже? Стучу, стучу ему. Дверь заперта и дома никого нет. А ему тоже на допрос надо.

– Опять дверь заперта? – закричала я. – Два раза за три часа – это уж слишком! Чего они, офигели, что ли, совсем? – Я во весь опор понеслась к крыльцу Виктора, участковый с трудом поспевал за мной.

– Кто офигел-то, Белкина? Распишитесь за повестки и бегайте где хотите. У меня дел еще по горло, а вы безобразничаете. Это Терехов, видно, на вас так действует. Он личность асоциальная... – Договорить участковый не успел: безуспешно подергав дверь, я не задумываясь разбила окно и полезла внутрь Витькиной хибары.

– Да уж! – поперхнулся милиционер. – Еще неизвестно, кто на кого из вас влияет.

Внутри комнат одуряюще пахло газом. Дверь попросту была забита гвоздями. Распахнув все окна, я стала изо всех сил тормозить Матрену и Виктора, лежащих на кровати. Они не реагировали совершенно.

– Ну что ты встал, как пенек в лесу?! – закричала я участковому. – Высаживай дверь, помогай давай. Вытащить их надо на свежий воздух, а то еще рванет тут к чертовой матери. Я газ закрыла, да тут уж порядочно набежало, все четыре конфорки, гады, отвернули.

Вдвоем с Филиппом мы быстренько вытащили пострадавших в сад.

– Что у вас тут происходит, Белкина? – строго спросил участковый, вытирая испарину с веснушчатого лба.

– Посидите тут, я сбегаю за сотовым, надо бы скорую вызвать, – не обращая внимания на его ворчанье, приказала я.

– Да не надо ничего, – простонала Матрена. Она приподнялась на траве, сжимая голову руками. – Что это было? Где Витька?

– Тут я. – Сосед тоже сел, трясая головой, как лошадь. – Ощущение, что вчера я выпил ведро самогона. Башка, как котел, гудит.

Мотя вскочила и поспешила в кусты, видимо, ее тошнило.

Выслушав, что произошло на этот раз, Виктор замысловато выругался.

– Нет, ну ты подумай! Твою мать!.. Беспредел какой-то... Слушай, а где тот, первый мент? Наверное, он на машине.

Пусть Мотю до больницы подбросит.

– Точно, я про него совсем забыла! – Выбежав за калитку, я с недоумением уставилась на совершенно пустую улицу. – Ничего не понимаю.

– Уехала «шестерка», – возвестил Котяра, подошедший сзади, – я когда в калитку входил, она с места сорвалась и погнала с ветерком. Я хотел еще номерок записать, чтоб не гоняли по деревне с такой скоростью, да, по чести сказать, поленился за ручкой лезть.

– Ты все поняла? Мент был липовый, похоже, – изумленно сделал вывод Виктор.

– Боже мой, – прошептала я, – что-то и мне тоже нехорошо становится. Тошнит и ноги дрожат.

– Это нервы. Пройдет, – со знанием дела пообещал Виктор, – придется, видно, Котяре бутылку ставить. Слышь, Леопольдыч, ты мне жизнь сегодня спас, а заодно и Матрене с Ирккой. Тебя, может, к ордену даже представят. Красного Знамени там или Героя России, чего мелочиться-то?

– Помолчал бы, трепло, – укоризненно посмотрел на Виктора участковый. – Таких, как ты, спасти себе дороже. Вы за повестки распишитесь, и я пойду. Сами разбирайтесь, кому помешали. Хотя я лично совсем не удивлен. Странно, что тебя, обормота, раньше за углом не пристукнули.

Когда чуткий участковый нас покинул, мы в очередной раз пошли пить чай с земляничным вареньем.

– Скоро твое варенье, Вить, будет у меня плотно ассоци-

ироваться с неприятностями, – зябко поежилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.